

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Иногда время
останавливается...
но не отпускает.

ГАЛИНА ДОРОНИНА

Галина Доронина

День, который не кончается

«Автор»

2026

Доронина Г.

День, который не кончается / Г. Доронина — «Автор», 2026

Почти 40 лет назад в лесу загадочным образом пропала геологическая экспедиция. С тех пор их никто не видел. И вдруг лесники находят рюкзак одного из участников. Он выглядит как новый, словно его оставили здесь только вчера, а не десятилетия назад. Историк Варвара приезжает сюда, чтобы разобраться с находкой. Но на месте собирается необычная компания: настойчивая журналистка, частный детектив, подозрительный эколог, молчаливый краевед и странная девушка. Что скрывает этот лес? Куда исчезли люди, и почему время не тронуло то, что они оставили после себя? Мистификация, аномалия или что-то паранормальное? Варваре предстоит выяснить это.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Галина Доронина

День, который не кончается

Пролог

В лесу стояла непривычная вязкая тишина. Егор шел впереди, тяжело ступая по влажной хвое, и настороженно прислушивался. Он был лесником уже много лет и знал лес, как свои пять пальцев. Но сегодня лес был непривычно молчалив. Не было слышно ни стрекота сорок, ни пения дроздов, ни даже стука дятла. Только шорох ветра в кронах да мягкое похрустывание опавших веток под ногами нарушали зловещую тишину.

– Жуть какая, – пробормотал Саша за спиной, приподняв воротник куртки и зябко ежась.
– Тихо, как в море.

Егор ничего не ответил, только поплотнее запахнул пальто. Его молодой напарник отличался болтливостью, а Егор сегодня был не расположен вести длинные пространственные беседы.

Туман стелился между стволами серыми лоскутами, цеплялся за папоротники и низкие ветви елей. Осень в этом году пришла рано и была сырая и неприветливая. После вчерашней грозы лес пах гнилью и мокрой корой. Егор хмурился и оглядывался через плечо. Что-то было не так.

Они обходили участок у старой Пустоши – места, куда не ходили туристы, а местные предпочитали обходить стороной. Даже сейчас по осени, когда лес наполнялся грибами, здесь крайне редко можно было кого-то встретить. Здесь деревья росли гуще, стволы старых елей покрывал мох, а под ногами стелилась пожухлая трава.

– Иваныч, гляди.

Саша вдруг остановился, указывая подбородком куда-то влево.

Егор обернулся.

У ствола старой ели, прямо у корней, примостился походный рюкзак советского образца, с металлическими пряжками и потертыми лямками. Выгоревший брезент цвета хаки почти сливался с корой. Егор подошел ближе и присел на корточки. Рюкзак выглядел потрепанным, но было видно, что здесь он стоит совсем недавно. Ни плесени, ни гнили, ни единой дырки. Ткань потемнела от времени, но осталась целой.

– Может, реконструкторы какие забрели в наши края, – хмыкнул Саша, подходя следом.
– Сейчас совок снова в моде.

Егор молча разглядывал находку. Странно, вокруг не было ни людей, ни палаток, откуда здесь взялся рюкзак? Он провел ладонью по брезенту – холодный, но не мокрый. А значит его положили здесь уже после вчерашнего дождя.

– Давай посмотрим, что внутри, – нетерпеливо сказал Саша, присев рядом. – Может найдем документы хозяина-растеряши.

Егор начал медленно расстегивать пряжки. Еще одна странность: металл был обжигающе холодным, словно рюкзак лежал не в лесу, а в морозильной камере.

Наконец тугие ремешки поддались.

– Ну что там? – Саша подался вперед, заглядывая внутрь.

Сверху, прикрывая остальное содержимое, лежали несколько книг в грубых кожаных переплетах.

— Это еще что за книжки? — удивился Саша.

Он осторожно взял в руки верхнюю из них и открыл. На внутренней стороне обложки стояла дата, написанная от руки: «1987 год».

– Ого, – выдохнул он. – Тридцать восемь лет назад.

Он немного полистал его.

– Смотри, Иваныч, – снова обратился он к старшему товарищу. – Это похоже какие-то полевые дневники. Какие-то породы тут описывают Геологи что ли?

Егор же, не обращая внимания на Сашу, изучал остальные вещи из рюкзака.

В нем лежали холщовые мешочки с образцами породы, сложенный вчетверо лист бумаги и латунный, тяжелый компас, потускневший от времени.

Егора почему-то заинтересовал именно компас. Он взял его в руки. Черная стрелка медленно вращалась по кругу.

– Это как так? – пробормотал Саша, тоже обратив внимание на странное поведение прибора.

Егор не ответил. Он заворуженно смотрел на компас, а в голове у него всплывали воспоминания. Давно, когда он еще был мальчишкой, в этот лес приезжали геологи и искали что-то в районе Пустоши. Это было летом восемьдесят седьмого года, вся деревня тогда на ушах стояла. Все, потому что пять геологов ушли в лес и не вернулись. От них не осталось ни следа: не нашли ни палаток, ни костров, ни тел. Абсолютно ничего.

– Может, кто-то его специально подкинул, – неуверенно предположил Саша, все еще глядя на компас. – Типа, шутка такая.

Он даже огляделся в поисках скрытых камер. Мало ли, вдруг он уже стал участником какого-то телешоу, коих развелось видимо-невидимо, и просто не догадывается об этом?

– Ты послушай лес, – перебил его Егор. На его лице явно читалась обеспокоенность.

Саша замолчал и прислушался.

В лесу стояла такая тишина, словно на много сотен километров они были абсолютно одни. Даже ветер уже не шумел в кронах.

– Птиц не слышно, – тихо произнес Егор. – Это странно.

Он положил компас обратно и решительно поднялся. Рюкзак лежал у его ног, и от него веяло каким-то холодом. «Как из могилы», – поевжившись, подумал он.

– Кладем все на место и больше не трогаем, – решил Егор. – Сейчас краоведам в район позвоним, пусть сами разбираются.

Саша кивнул и запихнул дневники обратно в рюкзак.

Егор тем временем полез за телефоном, разблокировал экран и на его лице мелькнуло недоумение.

– Связи нет, – удивленно сказал он, глядя на уголок экрана, где вместо привычных делений высвечивалось «Нет сети».

Саша проверил свой и покачал головой.

– У меня тоже не ловит. Идем к сторожке. Там сеть всегда есть.

Они развернулись и быстрым шагом пошли обратно. Егор поймал себя на мысли, что боится оглянуться. Он чувствовал, будто лес смотрит им вслед. Деревья стояли слишком близко, стволы сливались в серую стену, а туман сгустился, словно живой.

Когда впереди показалась сторожка, оба одновременно облегченно выдохнули.

Внутри привычно пахло старым деревом, печным дымом и сыростью. Егор сбросил куртку, достал телефон и убедился, что связь появилась. Он набрал номер Петра Семеновича, краоведа из районного музея. Старый знакомый, надежный человек.

– Семеныч, тут такое дело, – начал Егор, когда на том конце сняли трубку. – Помнишь, у нас почти сорок лет назад геологи пропали? Ты тогда еще в школе учился, да?.. В восемьдесят седьмом, ага Похоже, мы нашли то, что от них осталось. Но есть тут одна странность...

Они говорили еще минут пятнадцать. Егор подробно рассказал о находке, и объяснял, где именно они ее нашли. Петр Семенович слушал, изредка переспрашивал. В конце концов пообещал созвониться с нужными людьми и перезвонить. Саша тем временем заварил чай.

Егор положил трубку и машинально взглянул на старые настенные часы. Маятник мерно покачивался, стрелки показывали 9:30.

Он отвернулся, сел за стол напротив Саши, потянулся к своей чашке и вдруг замер.

– Ты чего? – спросил Саша. Он уже допил свой чай и теперь просто сидел, лениво прокручивая в голове детали сегодняшней находки, и от его внимания не укрылось странное поведение коллеги.

– Погоди, – задумчиво произнес Егор. – Когда мы там в лесу сеть на телефоне проверяли, ты на время смотрел?

Саша нахмурился, пытаясь вспомнить.

– Ну да, вроде девять тридцать было. Или тридцать две.

Егор почувствовал, как холод из леса словно вползает в сторожку.

– Слышь, Саш, – сказал он тихо, – мы с тобой там сколько пробыли? Минут сорок? Саша медленно кивнул.

– Ну да. Минут сорок. Может даже час. Егор посмотрел на часы. Потом на Сашу.

– А по времени, выходит, мы с тобой вообще никуда не ходили.

В сторожке стало тихо.

Маятник продолжал покачиваться, а за окном сгущался туман.

Глава 1

Поза собаки мордой вниз – это, конечно, звучит унижительно. Но не так унижительно, когда твой муж после четырех лет, казалось бы, счастливого брака, уходит к своей молодой лаборантке.

Я вытолкнула воздух из легких и потянулась пятками к полу, чувствуя, натяжение в задней поверхности бедер. Физическая боль заглушала мой внутренний голос, который уже минут десять настойчиво пытался подсунуть мне мысли о Глебе.

Я плавно перетекла в планку и задержалась, разглядывая свой фиолетовый коврик. Это единственная роскошь, которую я позволила себе после развода. Качественный, с нескользящей поверхностью, купленный в состоянии острого желания начать жизнь заново.

Тридцать секунд в планке.

Руки дрожали чуть сильнее, чем обычно. Это потому что я вчера снова засиделась до двух ночи над актами Суздальского монастыря и забыла поужинать. Средневековые монахи в этом смысле были гораздо дисциплинированнее меня, у них был четкий распорядок: заутреня, трапеза, послушание. Никаких личных драм, которые нужно заедать в полночь колбасой прямо из упаковки стоя у холодильника.

А драма у меня была прямо как в классических любовных романах. Год назад ко мне пришел мой любимый муж Глеб и без обиняков сообщил, что уходит к Кристине. Девушке двадцати трех лет с длинными пшеничными волосами и точеной фигурой. Я, помню, первым делом подумала: «Как банально».

Потом уже было все остальное.

Первое – шок. Второе – попытка поговорить по-взрослому, которая закончилась тем, что я молча собрала свои вещи и съехала к подруге. Жили мы с Глебом в квартире, которая досталась ему по наследству от бабушки, поэтому претендовать на нее я не могла, да и не собиралась. Ну а третье – раздел имущества. Это я запомнила навсегда. Глеб с дотошностью бухгалтера делил все поровну. Он сидел на полу посреди гостиной, окруженный коробками, и считал посуду. Десять тарелок: пять мне, пять ему. Две сковородки разделились легко, а вот с тремя кастрюлями возникла загвоздка. Он думал над этой непростой математической задачей так долго, что мне хотелось надеть эту кастрюлю ему на голову. В итоге, он тяжело вздохнул и положил две кастрюли в мою кучу. Просто аттракцион невиданной щедрости какой-то. Потом он перешел к чайным ложкам, и я благоразумно ушла ждать в спальне, потому что заметила недалеко от него упаковку зубочисток. А вдруг ему придет в голову их тоже делить поровну? Нет, такого моя нежная психика просто не выдержит.

В общем после всего этого я сняла себе скромную однокомнатную квартиру, купила фиолетовый коврик, записалась на онлайн-курс йоги и с головой ушла в работу. Архив, документы, мертвые языки и живые интриги давно умерших людей. Это было моим островком спокойствия в этом бурном океане событий.

Я встала в позу воина. Левая нога назад, правое колено над щиколоткой, руки в стороны, взгляд вперед. Инструктор на видео говорил, что это – поза человека, который знает, чего хочет. Я смотрела на обои в мелкий цветочек и пыталась понять, чего именно хочу.

Ну для начала, чтобы кто-то засыпал и просыпался рядом со мной. Желательно красивый, мужественный и, по возможности, обеспеченный. Чтобы с ним можно было обсудить находку в суздальском архиве в половине одиннадцатого вечера и получить в ответ не «ага, интересно», а полноценный разговор. Чтобы...

Мои мечты прервала громкая трель телефонного звонка. 7:42. Кому это я понадобилась в такую рань?

Я скосила глаза на смартфон, лежащий на тумбочке. На экране светилось: «Петр Семенович». Я вздохнула и сошла с коврика. Старик никогда не звонил без причины.

– Варвара Дмитриевна, – сказал он, едва я взяла трубку, – простите, что беспокою вас в такой ранний час.

– Доброе утро, Петр Семенович, – ответила я, подбирая с пола резиночку для волос. – Ничего страшного, я не сплю. У меня утренняя йога.

– Это хорошо, – одобрительно произнес он, и повисла небольшая пауза. Потом он продолжил: – Здоровье – это очень важно...

– Петр Семенович, – перебила я его рассуждения. Он мог легко отвлечься от нужной темы и уйти мыслями в глубокие дебри.

– Да? – встрепенулся он. – Вы звоните мне в восемь утра для того, чтобы поговорить о здоровье?

Еще одна пауза. Он замялся, как человек, которому есть что сказать, но он не знает, с чего начать. Это было странно. Петр Семенович Волков, куратор краеведческого музея в Светлоборске, был одним из тех людей, которые могли часами пространственно рассуждать на абсолютно любые темы.

– Тут такое дело, – произнес он наконец. – Вчера мне лесники знакомые позвонили. Они делали утренний обход леса и нашли рюкзак.

Он снова замолчал.

– Рюкзак? – уточнила я, пытаюсь понять, с каких это пор вместо бюро находок стало принято звонить мне.

– Советский, туристический, – уточнил Петр Семенович, будто это что-то объясняло. – Знаете, такие были почти у всех, кто любил походы, в семидесятых-восемидесятых годах. «Ермак», или похожее что-то.

Я зажала телефон между ухом и плечом, пошла на кухню и включила чайник. Разговор становился все более непонятным, поэтому мне требовалась чашка горячего чая.

– Хорошо, а какое отношение этот рюкзак имеет ко мне? – решила я сразу перейти к делу, чтобы не выслушивать лекцию о видах рюкзаков советского времени.

– Лесники наткнулись на него совершенно случайно, – продолжил он, будто не слыша меня. – Там глухое место: туристы туда не ходят, да и местные не заглядывают. И этот рюкзак... – Петр Семенович снова запнулся. – Варвара Дмитриевна, он выглядит как новый.

Рука дрогнула от неожиданности, и я просыпала заварку на стол.

– То есть? – не поняла я.

– Такое чувство, что рюкзак выдернули из советских времен, – ажитированно продолжил Петр Семенович. – Ткань совершенно не истлела. Ни пятен, ни гнили, ни даже выцветания. Как будто его вчера сшили. Внутри лежат документы: полевые журналы, записи, личные вещи. И чернила не выцвели, бумага не пожелтела. А в боковом кармане, – он сделал драматическую паузу, – хлебные сухари. Не заплесневевшие.

Чайник закипел. Я машинально налила кипятка в кружку.

– Петр Семенович, – медленно сказала я, – честно говоря, я не очень понимаю...

Теперь запнулась я. Что он вообще имеет ввиду? Что это рюкзак из прошлого? Но такого не бывает, это нереально. Значит у кого-то просто хранился советский рюкзак в хорошем состоянии, и этот кто-то собрал его и пошел в поход. А потом забыл этот самый рюкзак в лесу. Вот и все.

– Варвара Дмитриевна, – продолжил Петр Семенович, не подозревая о моих мыслях, – если документы настоящие, то рюкзаку должно быть тридцать восемь лет. Это рюкзак экспедиции Селиванова. Может быть слышали о такой? В восемьдесят седьмом году геологическая экспедиция из пяти человек ушла в район Пустоши в июле и не вернулась. Их искали три месяца, и ничего не нашли. Ни лагеря, ни снаряжения, ни следов. Пятеро взрослых мужчин и

женщин словно... растворилась. Дело закрыли. Официально – несчастный случай, предположительно обвал или утопление. Предположительно, потому что тел тоже не нашли. Непростая история была для города.

Я взяла кружку с чаем и села за стол.

– И вы думаете, что найденный рюкзак принадлежал кому-то из членов экспедиции?

– Да. – Голос его стал тише. – Я не паникер, вы не думайте. Но за шестьдесят пять лет я навидался всякого. Видел много находок. Вещи стареют, Варвара Дмитриевна. Это закон природы. А этот рюкзак... – снова короткая пауза. – Тут что-то не так. Я не могу это объяснить. Но прежде чем мы отдадим документы в официальные инстанции, я хотел бы, чтобы на них посмотрел историк и исключил мистификацию.

– И вы хотите, чтобы я приехала, – не вопросительно, а утвердительно сказала я.

– Если вы можете, конечно, – извиняющимся тоном произнес он. – Я понимаю, что у вас работа, ехать далеко, да и повод, скажем так, кажется выдуманным. Но вы умеете работать с историческими документами. Умеете датировать их по косвенным признакам. Я помню, как вы работали с теми монастырскими грамотами в позапрошлом году. Думаю, что лучше вас тут никто не справится.

Я молча смотрела в окно. За стеклом было пасмурное октябрьское утро, а на рабочем столе в комнате лежали суздальские акты семнадцатого века. Вчера вечером я перечитала один из них в четвертый раз не потому, что нашла там что-то новое, а просто чтобы не думать о Глебе. А тут рюкзак из 1987 года с нетронутыми сухарями. Это хотя бы было интересно.

– Хорошо, – сказала я. – Я приеду.

Петр Семенович вздохнул с облегчением.

– Спасибо вам большое, Варвара Дмитриевна. Я вышлю вам на электронную почту все, что у нас есть по этой экспедиции. Сканы старых газет, протоколы поисков. Немного, но...

– Буду ждать. И, Петр Семенович, пусть документы больше никто не трогает.

– Конечно, конечно. На том месте, где нашли рюкзак, мы развернули лагерь. Будем ждать вас там. Я пришлю за вами машину на автовокзал в Светлоборске.

– Хорошо, я прямо сейчас посмотрю билеты и сообщу, когда приеду. До встречи.

Я сбросила звонок и открыла браузер. Больше суток пути на поезде до места назначения. Я вздохнула. Можно было бы, конечно, полететь на самолете, но, во-первых, это дороже, а во-вторых, я очень боюсь летать. Так что поезд – неплохой вариант, чтобы добраться до этого таинственного рюкзака.

Я быстро оплатила билеты, потом допила чай, помыла чашку, поставила ее на место и пошла в комнату собирать сумку.

Собираться я умею быстро – это еще один навык, который я приобрела во время развода.

Я открыла шкаф и принялась методично закидывать в сумку вещи: смена белья, теплый свитер, термос, термобелье на всякий случай. Туда же отправились рабочий блокнот, пара ручек, лупа, тонкие перчатки для работы с документами.

Я застегнула молнию сумки. Потом открыла холодильник, внимательно осмотрела содержимое и взяла с собой яблоко, йогурт и плитку темного шоколада. Жизнь продолжается.

Петр Семенович прислал письмо, когда я уже собиралась выходить из дома. Я пробежала глазами вложения прямо в прихожей, одновременно нашаривая ногой кроссовки.

Несколько сканов пожелтевших газетных вырезок. «Комсомольская правда Светлоборска», август 1987 года: «Продолжаются поиски участников экспедиции». К статье прилагалась размытая черно-белая фотография: трое мужчин и две женщины стоят у грузовика и шурят на солнце.

Ушли и не вернулись. А теперь в глухом месте найден рюкзак якобы одного из участников этой самой экспедиции. Его ткань не истлела, а в кармане лежат сухари. Я склонялась к мысли

о том, что бумаги в рюкзаке – подделка. Тогда становится понятно, почему сухари свежие – их положили туда недавно. Вопрос: кто и зачем? Я закрыла письмо и убрала телефон в карман.

Поезд отходил в 16:22.

Вокзал встретил меня привычным гулом и типичным запахом поездов, кофе и шаурмы. Я взяла стаканчик капучино, нашла свой вагон и втиснулась внутрь вместе с потоком других людей.

Воздух в плацкарте был спертым, словно здесь годами не открывали окон, хотя откуда-то из тамбура тянуло сквозняком.

Мое место было нижнее. Я закинула сумку под сидение, прислонилась к стене и посмотрела в окно.

Поезд дернулся и тронулся точно по расписанию. Москва медленно поплыла мимо: сначала задворки вокзала, потом промзоны, потом первые перелески, окрашенные октябрём желтыми и оранжевыми красками.

Женщина напротив тут же начала чистить вареное яйцо, мужчина залез на верхнюю полку, отвернулся к стене и засопел. Вторая верхняя полка пока пустовала.

Поезд нес меня вперед. За окном медленно темнело. Леса сменялись полями, поля – снова лесами. Вагон мерно покачивался. Я сделала глоток кофе, достала шоколад, отломилась дольку и решила, что все будет хорошо. Аргументов в пользу этого решения у меня, конечно, не было, но иногда и ненаргументированная позиция – тоже позиция.

Лес за окном сгущался.

Глава 2

К вечеру следующего дня за окном был Урал.

Сутки в плацкарте пролетели одновременно быстро и медленно.

Женщина с соседней полки сошла на какой-то станции ночью. Я слышала сквозь дрему возню и шуршание пакетов. За то время, которое она провела в поезде, ею были съедены четыре яйца, две куриные ножки и бесчисленное количество бутербродов. Все это она запивала сладким чаем, который ей приносила проводница в стакане в красивом металлическом подстаканнике. Я читала книгу и мысленно удивлялась тому, как это все в нее влезает.

Верхняя полка так и осталась пустой. Мужчина за сутки спустился ровно дважды: сходить в туалет и купить в вагоне-ресторане сосиску в тесте.

Я читала, спала урывками, снова читала. На перрон я вышла в половине девятого вечера.

Воздух был другим, более холодным, с запахом хвои и близкой воды. Ноги после суток в вагоне слушались плохо. Я постояла минуту, привыкая к неподвижному пространству вокруг, перехватила сумку поудобнее и пошла искать автовокзал.

Он обнаружился в десяти минутах ходьбы. Это оказалось приземистое здание с расписанием на пластиковой доске и буфетом, где продавали пирожки с капустой и растворимый кофе в бумажных стаканчиках. Я взяла и то, и другое, нашла деревянную скамейку у окна и приготовилась ждать.

Автобус до Светлоборска отходил в десять вечера.

Ночь в автобусе – это отдельный вид аскезы. Жестко, неудобно и совершенно невозможно заснуть. Пассажиров было немного: дремлющая пожилая пара, мужчина с большой спортивной сумкой на коленях и девочка-подросток в наушниках, которая не спала всю дорогу и смотрела в окно.

Я тоже почти не спала. Смотрела, как фары вырывают из темноты полосы асфальта, обочины и стволы деревьев. Лес за окном был плотным. Темные ели перемежались березами, горящими последней желтой листвой. Иногда проплывал одинокий фонарь над съездом в какую-то деревню – и снова темнота.

Я думала об этом рюкзаке. То, что его не нашли раньше, только подтверждает мою теорию о том, что его подбросили совсем недавно. Ну не может рюкзак пролежать почти сорок лет в лесу и остаться целым. Значит, мистификация. Кто-то хочет убедить всех в том, что это рюкзак одного из участников экспедиции. Осталось только посмотреть документы и убедиться, что это подделка.

В шесть утра автобус с лязгом затормозил у автовокзала Светлоборска. Небо было тёмно-синим, только у горизонта едва намечалась серая полоска рассвета. Я вышла на холодный воздух, поморгала и огляделась.

На пустой стоянке стоял узик. Рядом с ним – пожилой мужчина в телогрейке, который, увидев меня, бросил недокуренную сигарету в урну.

– Варвара Дмитриевна? – спросил он.

– Она самая, – улыбнулась я.

Он кивнул, молча подхватил мою сумку и закинул на заднее сидение.

– Михалыч, – представился он, когда я взгромоздилась на переднее сиденье. – Здесь нет ремней, – добавил он, заметив, что я пытаюсь нащупать ремень безопасности.

Я вздохнула и посильнее вжалась в сиденье.

Михалыч завел машину – двигатель отозвался низким рокотом, – и мы тронулись с места. Светлоборск кончился быстро. Мимо промелькнуло несколько улочек с закрытыми магазинами, церковь с золотой маковкой, заправка – и все. Дальше шоссе нырнуло в лес, и деревья сомкнулись по обе стороны.

С каждым следующим километром дороге становилась все хуже и хуже. Сначала это была проселочная, укатанная полоса. Потом она прекратилась в какую-то раскисшую глину, в которой застревали колеса. Машину нещадно трясло. Кажется, за эту поездку я обзаведусь красочными синяками. Ну и под конец уже просто осталось направление между деревьями, которое кто-то когда-то решил считать дорогой. Лес поступил к машине вплотную. Я видела, как еловые ветки задевают борт.

Михалыч рулил молча, и это меня вполне устраивало.

Рассвет так и не начался, уступив место серому низкому небу.

Наконец Михалыч затормозил. Уазик послушно замер.

– Дальше не проехать, – сказал мужчина. – Лагерь там, впереди, за деревьями, пехом иди.

Ну что ж, "пехом", так "пехом".

Я вышла, закинула сумку на плечо и посмотрела вперед.

Передо мной простиралась плотная еловая стена, в которой просматривалась узкая тропа. И где-то там впереди, судя по запаху, – костер.

Я торопливо пошла по тропинке. Лагерь возник из деревьев внезапно. Четыре брезентовые палатки зеленого цвета, навес на алюминиевых стойках, а под ним – столы, ящики и раскладные стулья. У дальнего края поляны тихо тарахтел генератор. Пахло соснами, смолой и дымом от костра. Я остановилась на секунду, просто чтобы вдохнуть этот терпкий воздух полной грудью.

Потом поежилась от утренней прохлады и улыбнулась. Природа всегда действовала на меня успокаивающе.

– Варвара Дмитриевна! – голос Петра Семеновича прервал мой сеанс релаксации.

Я обернулась. Ко мне спешил пожилой мужчина. Шестьдесят с небольшим, лысина, борода, очки с толстыми стеклами, которые сидели немного криво. Я знала его уже несколько лет. Спокойный, методичный, с какой-то внутренней неторопливостью. Но сейчас он выглядел иначе. Движения у него были нервные, взгляд – рассредоточенный.

– Варвара Дмитриевна, – повторил он, подходя ближе. – Слава богу, добрались. Как дорога?

– Нормально, – сказала я. – Что-то случилось?

– Ничего. То есть ничего нового не случилось. – Он поправил очки. – Идемте, я покажу вам документы.

Ну прямо с места в карьер. А ничего, что я только с дороги? Но было заметно, что Петр Семенович нервничал. Это было очевидно и немного тревожно само по себе. Он был человеком, которого трудно выбить из равновесия каким-то рюкзаком с документами. Значит и правда что-то с ними не то. Но не мог же рюкзак телепортироваться сюда из восьмидесяти седьмого года! Это абсурд! Но Петр Семенович выглядел очень взволнованным.

Он схватил меня за руку и повел к длинному раскладному столу, накрытому клеенкой. На нем были аккуратно разложены находки. Я поняла, что отдохнуть с дороги мне не светит, поэтому положила сумку на раскладной стул, достала тонкие перчатки и надела на руки.

Рюкзак был первым, что бросалось в глаза. Советский, цвета хаки, с металлическими застежками. Я наклонилась ближе.

Ткань была целой. Я примерно представляла, как могут выглядеть вещи, пролежавшие в лесу несколько десятилетий, поэтому с уверенностью могла сказать: это рюкзак провел в лесу максимум несколько дней. Ткань была слегка выцветшей, но, если с этим рюкзаком ходили в походы, это было нормальное явление. Никакой плесени, никаких следов гниения, нитки на швах не истончились. После многолетнего лежания ткань должна была деформироваться, но этого не наблюдается. Я медленно выдохнула через нос. Паниковать пока рано, еще нет ни одного доказательства того, что это тот самый рюкзак пропавшей экспедиции. Что-то еще меня

смущало, но я не могла понять, что именно. Я решила пока рассмотреть остальные вещи и вернуться к рюкзаку чуть позже.

Рядом лежали полевые дневники. Они были потрепанными, но опять же не выглядели так, словно прошло почти сорок лет. Я аккуратно взяла первый и открыла на середине. Почерк был аккуратный, записи шли по датам, коротко и четко: координаты, азимут, описание пород, образец номер такой-то. На первый взгляд ничего необычного, просто рабочий журнал полевого геолога. Проблема в том, что полевой геолог, заполнявший журнал, пропал много лет назад. Я перелистала еще несколько страниц. Бумага не пожелтела так, как должна была. Да, страницы слегка потемнели по краям, обложка была потерта, а в районе корешка – небольшая вмятина, но все это просто говорило о том, что дневником пользовались. Но точно не о том, что он пролежал в лесу почти сорок лет.

Я это знала точно, потому что работала с архивными документами, которые пролежали и дольше. Бумага становится хрупкой, ломкой, она меняет цвет неравномерно, приобретает специфический, затхлый запах, немного похожий на старый подвал. Я невольно поднесла раскрытый журнал ближе к лицу и осторожно вдохнула.

Сырость и дым от костра. Никакого запаха времени.

Я закрыла журнал и отложила его. И тут до меня дошло, что показалось странным в самом рюкзаке.

От него пахло костром и легким запахом табака. Ну не может так пахнуть рюкзак, пролежавший десятилетия в лесу. Это нереально. Версия о телепортации рюкзака из восьмидесят седьмого года меня не устраивала категорически хотя бы потому, что я вообще не верила в эту паранормальную чепуху. Бумага в журнале, судя по плотности, советская, это тоже можно организовать, если знать, где искать. Только вот кому и зачем нужно, чтобы здесь и сейчас всплыла экспедиция Селиванова?

Я перевела взгляд на холщовые мешочки и взяла в руки один из них. Осторожно развязала тесемку и заглянула внутрь.

В мешочке лежал темно-серый, почти черный минерал с зернистой структурой. На первый взгляд совершенно обычный, вулканического происхождения, возможно базальт. Но когда я взяла в руки минерал, то обратила внимание, что в структуре камня проступили тонкие светлые прожилки с мелкими ответвлениями. Как иней на стекле или как след разряда молнии. Чем-то отдаленно напоминает фульгурит, но это был не он. Это был твердый монолитный камень с узором внутри.

Я положила камень обратно и ничего не сказала. В конце концов, я не геолог и не обязана знать все минералы наизусть.

Еще на столе лежали мужские, механические часы советского производства, классический перочинный нож с двумя лезвиями, штопором и откидным шилом. Я взяла его в руки. Оба лезвия были чистыми. Ни пятнышка ржавчины. Я аккуратно коснулась пальцем края. Удивительно, до сих пор острый, будто его только что наточили.

Я положила нож на место и взяла в руки письмо, которое лежало рядом с часами.

Конверт был вскрытый. Я достала лист бумаги в клетку, сложенный вчетверо и осторожно развернула.

«Гена, мы с Сережей ждем тебя. Сережа уже спрашивает, когда папа вернется. Я говорю ему, что скоро. Ты же обещал вернуться к первому августа. Привези шишек, он просил. Береги себя. Таня».

Дата в углу – 12 июля 1987.

– У одного из членов экспедиции была жена Татьяна и сын Сергей, – подал голос Петр Семенович, который внимательно наблюдал за моими действиями. – Я уже связался с ними, и Татьяна подтвердила, что писала такое письмо. И, насколько она помнит, даже текст был такой же.

А вот это странно. Значит тот, кто организовал эту мистификацию, был связан с той экспедицией и видел это письмо, иначе не смог бы его продублировать. Но прошло почти сорок лет! Странно, очень странно.

Я сложила письмо и положила обратно.

Чуть в стороне лежал компас. Я взяла его в руки.

Оправа была явно не заводской. Кто-то вырезал ее вручную из темного, почти черного дерева, отполированного прикосновениями до матового блеска. По ободу шел мелкий орнамент: я наклонилась ближе, щурясь. Солярные символы. Точнее, что-то производные от них: колесо с восемью спицами, разомкнутые спирали, знаки, которые я видела на вышивках и надгробиях, но здесь – переработанные, стилизованные под чью-то собственную систему. Любопытно. Кто из геологов разбирался в символике? Но была еще одна странность: красно-белая, намагниченная стрелка медленно вращалась. Не дергалась, не металась, а именно плавно вращалась.

– Все компасы в лагере так себя ведут, – сказал Петр Семенович за моей спиной. – Я списал было на местную геологию – аномальный магнетизм, залежи руды, – но лесники говорят, что раньше здесь такого не было.

Я посмотрела на компас еще секунду, потом положила его обратно на стол и снова взяла дневник. Открыла последнюю заполненную страницу.

«14 июля. Образцы из квадрата Ж-7 показывают невозможные свойства. При визуальном осмотре структура не соответствует ни одному известному минералу из региональной классификации. Компас не работает с 12:00. Стрелка вращается. Попробуем определить направление по солнцу завтра. В.С. говорит, что это магнитная аномалия. Я бы согласился, но сегодня утром стрелка работала нормально. Смена произошла быстро. Фиксируем координаты по карте».

Я перевернула страницу.

Пусто. Больше записей в дневнике не было. 14 июля 1987 года. А 15 июля группа перестала выходить на связь.

Я закрыла дневник и положила его на стол.

– Петр Семенович, – осторожно сказала я. – Пока ничего не указывает на то, что этим документам почти сорок лет. Но я ничего не исключаю и ничего не утверждаю. Мне нужно время поработать с дневниками. А кто-нибудь взял образцы для независимой экспертизы? Ткань, бумага?

– Да, мы отправили вчера. Результаты будут в лучшем случае через неделю.

– Понятно, – сказала я, хотя ничего не было понятно. Но это было рабочее начало, это нормально.

Петра Семеновича окликнул один из лесников, и он отошел от меня. Я осталась одна перед столом с находками и задумчиво их разглядывала.

– Простите, а это правда, что рюкзак не постарел ни на день? – вдруг произнес незнакомый голос у меня за плечом.

Глава 3

– Простите, а это правда, что рюкзак не постарел ни на день? – вдруг произнес незнакомый голос у меня за плечом.

Я обернулась. Обладательницей голоса оказалась молодая девушка с горящими энтузиазмом глазами. Лет двадцать пять, не больше. Русые волосы небрежно собраны в хвост, несколько прядей выбились и торчали в разные стороны. Яркие зеленые глаза внимательно смотрели на меня с каким-то азартом охотника. Легкая флисовая куртка явно не подходила для октябрьского леса. Из-за ее спины выглядывал огромный рюкзак, на котором сбоку висела туристическая пенка.

В руке она держала маленький профессиональный диктофон с включенной кнопкой записи. Я посмотрела на диктофон, потом перевела взгляд на нее.

– Анна Корчевская, – представилась она и широко улыбнулась. – Независимый журналист. Я пишу о странных происшествиях, и когда узнала про находку...

– А как вы узнали про находку? – перебила я ее.

Интересное кино: рюкзак нашли три дня назад, а о нем уже пронюхали журналисты. Не хватало нам тут еще и телевизионщиков с камерами.

Ее улыбка не погасла.

– У меня свои источники, – с заговорческим видом подмигнула мне она.

– Хорошо, – сказала я. – А как вы попали в лагерь?

– Пешком пришла, – ответила она без паузы. – От остановки на трассе. Там вполне ничего тропа, если знаешь, куда идти.

Я посмотрела на ее белые кроссовки с мокрыми носами. Что ж, похоже на правду.

Петр Семенович тем временем делал вид, что очень занят беседой с лесником. Он был абсолютно неконфликтным человеком и поэтому не спешил подходить к нам, чтобы не стать тем, кто официально выставит незваную гостью за пределы лагеря.

– Так что там в дневниках? – Анна с любопытством кивнула на стол. – Там есть упоминания аномалий? Я читала, что в советское время геологи иногда фиксировали необъяснимые явления, но не включали в официальные отчеты, потому что...

– Я не работаю с прессой, – снова перебила ее я. – Пока идет первичный анализ, никаких комментариев.

– Я не прошу комментарий. Я просто...

– Вы держите передо мной включенный диктофон, – сказала я, приподняв бровь. Она что меня за дуру держит?

Она посмотрела на диктофон в своей руке, затем нажала паузу.

– Теперь он выключен, – со своей неизменной улыбочкой доброжелательно произнесла она. – Давайте просто поговорим?

– Нам не о чем разговаривать, – отрезала я и снова повернулась к столу. – Петр Семенович, – я кивнула в сторону куратора, который вдруг принялся с преувеличенным интересом разглядывать карту в руках лесника, – человек деликатный и выгонять вас не станет. А я стану, если понадобится. Но в любом случае остаться в лагере вы сможете, если договоритесь с ним. Это его экспедиция, не моя.

Я перевела взгляд на Петра Семеновича. Тот наконец оторвался от лесника и неуверенно приблизился к нам.

– Здравствуйте, Петр Семенович очень рада с вами познакомиться! – тут же запела журналистка. – Меня зовут Аня, я – независимый корреспондент. Я бы хотела остановиться в вашем лагере, палатка у меня своя имеется.

И она выжидательно уставилась на него глазами котика из "Шрека".

– Варвара Дмитриевна, – посмотрел на меня куратор, с виноватым видом поправляя очки, – не можем же мы выгнать человека пешком в такую даль... – он беспомощно развел руками. – Может, пусть побудет?

– Петр Семенович, – со вздохом сказала я, – это ваш лагерь, вам и решать. Но, если она продолжит тыкать в меня диктофоном, я за себя не ручаюсь.

– Ну раз у девушки есть своя палатка, думаю, вопрос решен, – радостно сообщил Петр Семенович и тут же ретировался обратно к лесникам, явно довольный, что страшная миссия выдворения журналистики миновала его.

Анна просияла и порысила ставить палатку. Я проводила ее взглядом, чувствуя, что эта девушка знает гораздо больше, чем говорит. И возможно, ее появление в лагере – не случайность. А может быть и часть той самой мистификации, которую я собиралась разоблачить.

– Петр Семенович, – позвала я, подходя к куратору. – А где мне можно устроиться с материалами?

– Вон та палатка ваша, – указал он на дальнюю палатку. – И стол под навесом в вашем полном распоряжении. Свет подведен от генератора.

– Отлично, – сказала я и пошла к своему убежищу на ближайшие несколько дней.

Палатка оказалась небольшой, но вполне приличной. Достаточно плотная, устойчивая, с туристической пенкой на полу и теплым спальником в углу. Я пристроила в угол сумку с личными вещами и принялась обустраиваться.

Параллельно я размышляла над загадкой рюкзака. С одной стороны, я не вижу ни одного доказательства подлинности найденных вещей. Но с другой стороны, у меня нет ни одного очевидного мотива для мистификации.

Когда я вышла из палатки, солнце уже поднялось достаточно, чтобы осветить поляну косым октябрьским светом. Утренний туман почти рассеялся и осел на траве холодными каплями. Аня уже успела поставить свою ярко-оранжевую палатку, которая выбивалась из общего зеленого строя, и теперь энергично курсировала между лесниками.

Лесников было двое. Судя по возрасту, это и были те самые Егор и Саша из рассказа Петра Семеновича, которые и обнаружили рюкзак.

Старший был крепким молчаливым мужчиной с осторожным взглядом и сединой, а младший – высокий, худощавый и суетливый. Он постоянно переминался с ноги на ногу, будто не мог устоять на месте. Аня атаковала их с настойчивостью осенней мухи. В ее руке снова мелькал диктофон.

Старший лесник что-то коротко ответил и сделал шаг в сторону. Аня сделала шаг следом. Он ускорился, но она не отставала. В итоге он нырнул в палатку и быстро застегнул полог изнутри.

Младший воспользовался моментом и тихо испарился в направлении генератора. Аня осталась стоять посреди поляны с диктофоном и видом охотника, упустившего добычу.

На обед Петр Семенович с нескрываемой гордостью поставил на стол кастрюлю с гречкой и тушенкой.

Еда была горячей и пахла дымом и чем-то домашним. Рядом появилась нарезанная пластиковым ножом колбаса, полбуханки черного хлеба и термос с чаем.

– Охотничий стиль, – сказал Петр Семенович с извиняющейся улыбкой.

Спустя минуту перед каждым из нас стояла тарелка с дымящейся едой. Аня ела быстро и при этом умудрялась одновременно что-то записывать в маленький блокнот. Я заметила, что оба лесника выбрали места на противоположном от нее конце стола.

Я съела кашу, выпила кружку чая и решила, что на сегодня общения с людьми мне достаточно.

– Петр Семенович, – сказала я, поднимаясь, – я могу взять дневники к себе в палатку?

– Конечно, конечно, – закивал он.

Я пошла под навес, забрала со стола три дневника и направилась к своей палатке. До вечера у меня было несколько часов.

Анна Корчевская отошла к краю поляны. Мокрые кроссовки неприятно холодили ноги. Ее окружал темный октябрьский лес, пропитанный запахом сырой земли и хвои.

Она достала диктофон, нажала кнопку и поднесла его к губам почти вплотную.

– День первый. Мне удалось попасть в лагерь. Но ситуация сложнее, чем я ожидала.

Ветер качнул верхушки елей, и Аня зябко поежилась.

– Девушка Варвара, которая приехала работать с документами, наотрез отказалась сотрудничать. Она умная, и это проблема.

Анна медленно прошла вдоль кромки леса. Под ногами хлюпала палая листва, темная и мокрая, прибитая к земле.

– Дневники она забрала к себе в палатку. Все три. Это значит, что к ним у меня сегодня доступа нет. К рюкзаку, предположительно, тоже. Лесники со мной не говорят: старший вообще закрылся в палатке, как только я подошла. Петр Семенович добрый, но бесполезный. Он будет слушать Варвару и делать то, что она скажет, даже если думает, что решает сам.

Она остановилась и посмотрела в сторону лагеря. Сквозь деревья просвечивал оранжевый бок ее собственной палатки.

– Она сказала, что это не ее экспедиция. Но держится так, будто именно ее. К тому же она не верит в аномалии. Это сразу видно. Настоящий скептик. Что ж, посмотрим, как она запоет, когда не сможет логически объяснить все происходящее здесь.

Пауза. Ветер снова прошел по кронам.

– Компас крутится как сумасшедший. Я проверила свой несколько раз. Это явно не мистификация. Это что-то другое. Пока буду работать с тем, что есть, а завтра попробую разговорить лесников. И найду способ взглянуть на дневники.

Щелчок. Запись остановилась.

Она застегнула куртку до горла и пошла обратно к лагерю.

В рюкзаке, который она оставила в своей палатке, на самом дне под спальником и сменной одеждой, лежала папка с ксерокопиями. Двадцать три страницы материалов об экспедиции Селиванова, собранных за последние полгода. Свидетельские показания, карты и один документ, который она пока не показывала никому.

Она нашла его в региональном архиве три месяца назад. И именно из-за него она сейчас шла по мокрой листве в насквозь промокивших кроссовках.

Я залезла в пахнущую березентом палатку, устроилась с ногами на спальнике и подложила под спину свою сумку. Не очень удобно, но это лучше, чем скрюченная спина к вечеру.

Затем настроила налобный фонарик так, чтобы свет падал на страницы.

Снаружи были слышны чьи-то шаги, потрескивание костра и шум ветра в верхушках деревьев.

Я надела перчатки, открыла первый дневник и нашла начало.

Первая запись:

«15 июня 1987 года. Мы выдвинулись из Светлоборска. Состав экспедиции: Селиванов В.А. (рук.), Дмитриев Г.П., Орехов С.К., Карасева Н.Л., Бойко Р.Г. Погода – ясно, +19. Цель – картирование квадратов Ж-5 – Ж-9».

Это был обычный рабочий журнал полевого геолога. Координаты, азимут, описание пород, температура воздуха, расход воды, состояние оборудования...

Довольно-таки узнаваемая советская геологическая школа, я работала с подобными документами. Они всегда имеют этот привкус методичности. Если это подделка, то очень качественная. Хотя почему "если"? Это наверняка подделка: документ, пролежавший столько лет в лесу, не мог так хорошо сохраниться.

Я взяла второй дневник и погрузилась в чтение.

Первые две недели у группы не происходило ничего необычного. Жара, комары, работа. Мошкара «невыносимая» – это единственное прилагательное, которое позволил себе автор дневника за первые десять страниц.

Потом пошли июльские записи.

«3 июля. Квадрат Ж-7. Обнаружены нетипичные образцы. Визуальный осмотр затруднен, структура не идентифицируется по региональному справочнику. Отложено для лабораторного анализа».

«5 июля. Образцы из Ж-7 по-прежнему не классифицированы. Орехов предположил метаморфическую породу нетипичного состава. Карасева не согласна. Дмитриев не комментирует образцы, но я заметил, что он смотрит на них с каким-то странным выражением. Отправили запрос в Светлоборск, ждем ответа».

«7 июля. Ответ из Светлоборска: рекомендуют обратиться в центральную лабораторию. Это не помогает. Мы здесь, а центральная лаборатория – в Москве. Продолжаем работу».

«9 июля. Дмитриев предложил рабочее название для аномального материала: хрономит. Объяснить логику названия не смог или не захотел. Я занес его в журнал под грифом "рабочее"».

Я остановилась.

Вот это любопытно. Слово составлено из двух производных от греческих слов. Первое "chronos" – время, а второе "metron" – мера. Измеритель времени? Геолог Дмитриев, муж Тани и отец Сережи, смотрел на камень со «странным выражением» и придумал ему название, связанное со временем.

Я перевернула страницу.

«11 июля. Работа с образцами продолжается. Структура хрономита при ближайшем рассмотрении: светлые разветвленные прожилки на темном фоне напоминают следы электрического разряда. Орехов называет их "молниями в камне"».

«12 июля. Компас в квадрате Ж-7 работает нестабильно. Зафиксировано с 09:40. Стрелка отклоняется к северо-востоку, периодически вращается. Карасева проверила свой – то же самое. Оба компаса исправны, проверяли три дня назад. Записываю как магнитную аномалию, хотя Дмитриев с этим определением не согласен. Дмитриев вообще в последние дни говорит мало».

«14 июля. Образцы из квадрата Ж-7 показывают невозможные свойства. При визуальном осмотре структура не соответствует ни одному известному минералу из региональной классификации. Компас не работает с 12:00. Стрелка вращается. Фиксируем координаты по карте».

Я перевернула страницу.

Пусто.

Я закрыла дневник, положила его на спальник рядом с собой и некоторое время сидела, глядя на брезентовую стенку.

Хрономит. Минерал, которого нет в справочниках, который выглядит как «молния в камне» и рядом с которым перестают работать компасы. И пять человек, которые исчезли без следа.

Вообще-то, я – историк-архивист. Моя работа – это датировка и анализ источников. Аномальный минерал – это для геохимиков. Пропавшие люди – это для следователей. Я здесь

для того, чтобы установить подлинность документов и хронологию событий, не более того. Но любопытство никуда не уходило.

Третий дневник был тоньше двух предыдущих. Я поняла это сразу, как только взяла его в руки.

Почерк здесь был торопливый, с чуть наклоненными буквами и словами, которые иногда набегали друг на друга. Записи были похожи на предыдущие дневники: координаты, азимуты, состояние образцов, короткие пометки о погоде. А потом я наткнулась на странную запись:

«10 июля. Образец из Ж-7 проявляет странные свойства. Не знаю, как это описать точнее. Сегодня держал его в ладони примерно пару минут. Потом понял, что прошло два часа. Не знаю, как это получилось».

Я остановилась и перечитала запись еще раз. Потом задумчиво потерла переносицу. Вообще это могло быть что угодно: усталость, обезвоживание, банальная задумчивость. Бывает, что люди теряются во времени в поле, особенно при монотонной работе. Я сама однажды просидела над средневековым картулярием шесть часов и была убеждена, что прошло два. Никакой мистики, всего лишь архивный транс.

Я продолжила читать.

«14 июля. Гроза идет с северо-востока. Уходим в выработку. Породу законсервировали, образцы при себе».

Все.

Я перевернула страницу.

Пусто.

Я перелистала весь оставшийся дневник до конца: десятки чистых страниц. Я закрыла дневник, положила его к остальным двум и поняла, что у меня затекли ноги. Надо было выйти на свежий воздух и немного походить.

Я растянула молнию и вышла наружу.

Октябрь в лесу пахнет иначе, чем в городе. В городе октябрь пахнет асфальтом после дождя, кофе из ближайшей кофейни и чужими сигаретами в подъезде. Здесь же он пах хвоей, мокрой землей, прелыми листьями и чем-то смолистым. Небо над деревьями было черным.

Я с наслаждением потянулась и сделала несколько шагов к краю поляны.

И тут я заметила, что в нашем полку прибыло.

Глава 4

У общего костра на бревне сидел незнакомец.

Я остановилась, разглядывая его.

Высокий, худощавый, с темными волосами, собранными в хвост. На нем было черное пальто с высоким воротником. Он сидел, подавшись корпусом вперед и положив руки на колени, измостил на огонь.

Это было странно: в лагере не должно было быть никого из посторонних, кроме Ани. Петр Семенович и Егор с Сашей давно разошлись по палаткам.

Я подошла ближе, рассчитывая, что незнакомец услышит мои шаги, но он продолжал молча смотреть на костер. Не услышал. Или сделал вид.

Я негромко кашлянула, чтобы обозначить свое присутствие, но в ночной тишине звук получился отчетливым. Мужчина вздрогнул, как человек, которого вырвали из очень глубокой задумчивости, и обернулся. Его оказалось в полосе света от костра.

Лет тридцать, может, чуть больше. Резкие черты лица: скулы, прямой нос, темные глаза, которые в этом освещении казались почти черными. Лицо, которое было бы красивым, если бы не выражение – так смотрят люди, привыкшие к одиночеству.

Несколько секунд он смотрел на меня, явно восстанавливая контакт с реальностью.

– Добрый вечер, – сказала я, подходя ближе.

– Добрый, – ответил он. Голос был ровным и тихим, под стать всему его облику.

Я подошла к костру и присела на бревно с противоположной стороны. Огонь потрескивал, выбрасывая мелкие искры. Незнакомец молчал. Я тоже немного помолчала, ожидая, что мужчина хотя бы представится, но тщетно.

– Меня зовут Варвара, – сказала я наконец. – Я историк. Приехала работать с документами. А вы?..

– Максим. – Он чуть кивнул, по-прежнему не глядя на меня. – Я краевед-любитель.

Краевед-любитель? Любопытное сочетание слов. Ничего толком не объясняет, но при этом как будто заранее снимает все вопросы.

– Вас Петр Семенович пригласил? – продолжала я допрашивать Максима. Нет, ну а что, у нас тут Теремок что ли? Все новые и новые люди прибывают. И чаще всего без приглашения.

– Нет, – коротко ответил Максим.

– Тогда как вы здесь оказались? – строго спросила я.

Повисла небольшая пауза. Он взял с земли сухую ветку и поднес к огню. Ветка занялась.

– Я узнал о находке, – произнес он наконец. – И мне стало интересно. Вот приехал посмотреть.

– Посмотреть на что именно? – не унималась я.

Он опустил ветку в костер и стал смотреть, как она горит.

– На места, – ответил он. – Я давно интересуюсь историей этого края. И да, чтобы вас успокоить, сразу скажу: Петр Семенович в курсе и не против моего присутствия здесь.

Ну конечно, Петр Семенович не против! Он вообще готов приютить тут всех подряд!

– И что вы знаете об этих местах? – спросила я.

Вот тут он наконец посмотрел на меня. Пламя отражалось в его темных глазах, делая его облик более мистическим.

– Достаточно, – сказал он. – Раньше эту часть леса крестьяне называли Пустошью. Сейчас этот участок официально так и обозначен на некоторых картах. Первое упоминание о нем было в церковных записях восемнадцатого века. Священник написал, что крестьяне «боятся ходить в урочище за рекой, называют его Пустошью и говорят, что лес там забирает людей». Именно так и написано: забирает. Не «можно заблудиться», не «опасные звери». А лес забирает.

– Стандартный фольклор, – отмахнулась я. – Люди маркировали опасные места легендами, чтобы держать детей и неосторожных взрослых подальше. Болота, опасные тропы «Там живет леший» – это способ сказать «там можно утонуть».

Максим внимательно посмотрел на меня. Прямым и каким-то странно пристальным взглядом.

– Иногда фольклор – единственный способ описать то, чему нет научного объяснения, – сказал он.

Я хмыкнула, а он снова отвел взгляд к огню.

– И что вы думаете об этом? – спросила я.

Максим посмотрел на угли.

– Я думаю, что это место ведет себя странно.

И все-таки у него чудные формулировки. Не «здесь происходят странные вещи», а «место ведет себя странно». На мой взгляд, это он ведет себя странно.

– И часто вы антропоморфизировали географические объекты? – с усмешкой спросила я.

– Нет, – все с тем же олимпийским спокойствием сказал он. – Только те, которые этого заслуживают.

Мы еще немного посидели молча.

– Уже поздно, – сказала я наконец. – Пойду спать. И вам советую.

– Спасибо за совет, – он улыбнулся уголками губ. – Спокойной ночи. И да, можно на «ты».

Я молча кивнула и пошла к палатке. Но у входа остановилась и обернулась.

Максим снова смотрел на огонь. Краевед-любитель. Я не могла понять, что именно меня смущает: то ли его чересчур спокойные интонации, то ли манера отвечать вопросом на вопрос, то ли ощущение, что он знает гораздо больше, чем говорит. Доверять ему с ходу я бы не стала.

В палатке я залезла в спальник, лежала в темноте и думала о том, что сказал Максим. О том, что иногда фольклор – единственный способ описать то, чему нет научного объяснения. Я работала с символикой и семиотикой достаточно давно, чтобы понимать: формально он прав. Первобытные нарративы о «зачарованном» лесе, «живой» воде, «злом» месте – это попытка справиться с явлениями, для которых нет категорий. Не мистика, а лингвистическая беспомощность перед непонятным.

И все же это место действительно необычное. Компасы, которые вращаются непонятно почему. Пять человек, которые ушли в экспедицию и пропали. И, наконец, этот рюкзак.

Мысли плавно перетекали с одного на другое, пока я поймала себя на том, что думаю о Максиме.

И немедленно фыркнула. Мне двадцать девять лет, я только-только пришла в себя после развода и пришла к выводу, что быть одной – очень даже неплохо. И я приехала сюда работать, а не высматривать в незнакомом человеке повод для романтики.

Я закрыла глаза, вслушиваясь в тихий шум ветра в кронах деревьев, и довольно быстро уснула.

Мне приснился Глеб.

Во сне он был прежним: милым, заботливым мужем. Таким, как до всего этого кошмара: до двадцатитрехлетней лаборантки с пшеничными волосами, до дележа чайных ложек поровну и чувства, что моя жизнь рухнула.

Я стояла в дверях кухни и почему-то знала: сейчас он обернется. Я увижу его лицо и на меня снова нахлынут те чувства, которые я ощущала все четыре года нашей совместной жизни.

Но он не обернулся.

Запах кофе куда-то улетучился. Кухня тускнела, теряла краски, а вместе с ней растворялся и Глеб.

Я не стала его удерживать. Даже во сне.

Максим сидел у костра, глядя на огонь.

Похоже, он напал на верный след, бабка будет довольна.

Еще в дороге – за сотню километров отсюда, в автобусе, когда он задремал на неудобном сиденье, – ему пришло видение. Короткое, как всегда: темный камень с белыми прожилками, похожими на молнию. Стрелка компаса, которая вращается без остановки. И запах костра.

Он проснулся с привкусом крови во рту. Прикусил губу. Но это было еще ничего. Бывало и хуже.

Видения не обманывали его никогда. Они пугали, они изматывали, они приходили в самый неудобный момент и уходили, не давая запомнить их точно, и он давно смирился с тем, что не управляет этим процессом. Но они не лгали. Никогда.

Первая часть была здесь. Он знал это.

Максим еще немного посидел у костра, потом встал и медленно пошел к своей палатке. Он не верил в совпадения. Бабка Аглая говорила: совпадений не бывает, бывает узор, который ты еще не видишь целиком. Сегодня в этот узор добавилась новая нить: темноволосая девушка, которая задавала слишком правильные вопросы. Похоже, узор начал проявляться быстрее, чем он рассчитывал. И он пока не знал, радоваться этому или опасаться.

Глава 5

Утром я проснулась с ощущением, что спала на камнях. Помимо того, что было дико холодно, еще и спина ныла, шея затекла, а во рту был какой-то мерзкий привкус. Вот ей-богу, с похмелья люди себя чувствуют лучше. Часы показывали шесть утра. Я с трудом выбралась из спальника, надела термобелье, флисовый свитер и теплые носки. Поискала кроссовки – один обнаружился под рюкзаком, второй непостижимым образом оказался у дальней стенки. Потом расстегнула молнию палатки и выглянула наружу.

Лагерь был погружен в предрассветную синеву. Туман стелился над землей густыми лоскутами, цепляясь за стволы елей и низкие кусты. Деревья проступали темными, неподвижными силуэтами. Воздух пах хвоей и сыростью. Тишина была плотной, вязкой. Не было слышно ни пения птиц, ни шороха ветра. Я поежилась и выбралась из палатки.

Кроссовки тут же намокли от росы на траве. Отлично. Просто прекрасное начало дня. Я отошла на несколько шагов от палатки и начала разминку. Физическое напряжение помогало разогнать остатки сна и странного сновидения про Глеба.

Туман тем временем медленно рассеивался. Сквозь него начали проступать контуры: навес, костровище, палатки. Но лес вокруг по-прежнему оставался тихим. Даже слишком тихим для раннего утра. Обычно к этому времени должны быть слышны птицы. Здесь же – ничего.

Я приняла позу воина, вытянув руки в стороны и зафиксировав взгляд на стволе дальней ели. Концентрация, дыхание и никаких глупых мыслей.

– Доброе утро.

Я чуть не потеряла равновесие и обернулась.

В двух шагах от меня стояла Анна, держа в руках две кружки. От них шел пар и исходил умопомрачительный аромат. Она выглядела бодрой, выпавшейся и невыносимо довольной собой. Волосы все так же торчали во все стороны, но теперь она была в другой куртке – красной, теплой, более подходящей для холодного осеннего утра.

– Кофе? – протянула она мне одну из кружек, как будто мы были давними подругами, которые встретились на кухне.

Я выпрямилась и посмотрела на нее.

– Откуда у вас кофе? – спросила я с подозрением, потому что в лагере вчера был только чай из пакетиков с привкусом картона. Это было единственной по-настоящему неприятной частью командировки, потому что кофе я любила.

– Дрип-пакеты, – она дружелюбно улыбнулась. – Я взяла их с собой. Всегда беру в поле. Цивилизация, знаешь ли, штука хрупкая, а вот кофе – это святое.

Я взяла кружку. Горячая керамика приятно грела ладони. Запах кофе был божественным.

– Спасибо, – сказала я, делая небольшой глоток.

Господи, настоящий кофе. Не растворимый мусор из пакетиков, а нормальный, с горчинкой и послевкусием. Я закрыла глаза на секунду, наслаждаясь вкусом. Когда открыла, Анна уже устроилась на бревне, вытянув ноги, и внимательно смотрела на меня. На рассвете, без вчерашней суеты и диктофона наперевес, она выглядела иначе. Более человечнее что ли.

«Может, она не такая уж неприятная», – подумала я и сразу же одернула себя. Привычка доверять дорого мне стоила.

– Можешь звать меня просто Аня, – сказала она, не подозревая о моих мыслях. – И давай на «ты». Мне кажется, что в лесу формальности – это лишнее.

Я кивнула, делая еще один глоток и сядя рядом с ней.

– Хорошо. Аня.

Она улыбнулась шире.

– Ты рано встаешь, – заметила она.

– Привычка, – коротко ответила я.

– Полезная привычка, – кивнула Аня. – Я тоже люблю раннее утро. Особенно в лесу. Он другой на рассвете. Как будто живой.

Я хмыкнула. Еще одна особа антропоморфизует географические объекты. Надо ей с Максимом пообщаться.

Мы немного помолчали.

– Слушай, – Аня наклонилась ко мне, понизив голос. – Я понимаю, что ты не хочешь со мной говорить. И я понимаю почему. Журналисты бывают назойливыми. Но я не такая. То есть, я, конечно, назойливая, – она усмехнулась, – но я всегда стараюсь быть честной. Скажи, ты нашли что-нибудь в этих дневниках?

Я сделала еще глоток. Ладно, за кофе поделюсь с ней информацией. Дозированно.

– Пока я только работаю с документами, – сказала я ровным голосом. – Это займет время. Сейчас я на этапе первичного осмотра и систематизации.

– Понятно. А выводы какие-то уже есть?

Я немного помолчала, потом ответила:

– Для выводов нужно больше время. Пока могу сказать, что эти дневники точно не лежали почти сорок лет в лесу. Но и на мистификацию непохоже.

Последнее я добавила неохотно, но это была правда. Все это было вообще очень странно. Особенно письмо

– Хорошо, а аномалии? – спросила Аня, будто прочитав мои мысли. – Говорят, все компасы в лагере крутятся?

– Я не комментирую «аномалии», – сказала я, вложив в слово «аномалии» весь свой сарказм. – Рациональных объяснений у меня пока нет, но они обязательно будут.

– А если не будет? – прищурилась журналистка.

– Будет, – повторила я спокойно. – Я в сказки не верю. Знаешь, когда ты годами работаешь с документами, которым по пятьсот лет, и видишь, как люди прошлого фиксировали то, что им казалось чудом, а потом это чудо получает совершенно прозаическое объяснение – начинаешь доверять объяснениям. Они не всегда видны на поверхности. Но они есть.

Аня смотрела на меня со скептическим выражением, в котором скрывалась тихая грусть.

– Я уже три года пишу о паранормальном, – сказала она. – Знаешь, сколько раз я находила неопровержимый доказательства?

– Подозреваю, что ноль, – уверенно ответила я, делая очередной глоток кофе.

– Правильно, ноль, – согласилась она. – Поэтому я здесь. Потому что этот случай не вписывается ни в какие рамки. У меня есть информация, которую я пока никому не показывала. Экспедиция 1987 года была не совсем обычной, – Аня заговорила теперь тише, и от прежней легкой болтовни не осталось следа. – В ее составе был геофизик по фамилии Дмитриев – специалист по аномальным магнитным полям. Его включили в состав экспедиции в последний момент, по личному распоряжению кого-то из руководства. Не из местного музея, не из геологической службы. Сверху.

Я нахмурилась.

– Откуда ты это знаешь?

– Я подняла документы в архиве, – коротко ответила Аня. – Приказ о включении Дмитриева в экспедицию датирован 10 июня. За пять дней до выезда. Обычно состав утверждается за месяц. И еще: Дмитриев до этого работал в закрытом НИИ. Профиль – геомагнетизм и... – она сделала паузу, – аномальные явления.

Я медленно допила кофе, обдумывая услышанное.

– Это еще ничего не доказывает, – наконец сказала я. – Возможно, его включили, потому что нужен был специалист именно по магнитным полям. В любом случае, спасибо за информацию.

Аня явно ожидала большего, но я уже думала о том, что геофизик по магнитным аномалиям в составе геологической экспедиции – это как кардиохирург в группе терапевтов. В принципе бывает, но требует объяснения.

Аня хотела еще что-то сказать, но тут ее взгляд скользнул куда-то за мое плечо, и она осеклась на полуслове.

Я обернулась и обреченно вздохнула. В лагерь заходил новый человек. Но я этому уже не удивилась, в нашем Теремке, судя по всему, объявили день открытых дверей. Интересно, кто это?

Глава 6

Из-за деревьев вышел крепкий мужчина лет сорока, с усталым лицом и цепким взглядом. Он был одет в темную куртку, джинсы и ботинки на толстой подошве. Двигался уверенно, без лишних движений.

Он остановился у палаток, окинул лагерь взглядом и направился прямо к нам.

– Доброе утро, – сказал он, подходя ближе. – Варвара Дмитриевна?

Я встала, инстинктивно выпрямив спину.

– Да, это я.

Он протянул мне руку.

– Михаил Громов. Частный детектив.

Я пожала его руку и мельком глянула на Аню. Та чуть заметно приподняла бровь, но промолчала.

– Меня наняли родственники одного из пропавших геологов, – продолжил он. – Сергея Константиновича Орехова. Семья до сих пор надеется узнать правду. Когда появились новости о находке рюкзака, они обратились ко мне.

Я изучала его. Прямая спина, коротко стриженные темные волосы, манера говорить – все говорило о том, что передо мной бывший полицейский. Или военный. Хотя большинство частных детективов действительно выходцы из этих сфер.

– Понятно, – сказала я. – И чего вы хотите?

– Сотрудничества, – коротко ответил он. – Я буду работать параллельно с вами. Изучать местность, собирать информацию. Прошу сообщать, если найдете что-то, связанное с Ореховым. Его семья хочет знать правду.

– А у вас есть какая-то конкретная информация? – спросила я.

Михаил покачал головой.

– Пока нет. Надеюсь, дневники из рюкзака прояснят картину.

Аня рядом со мной подалась вперед, словно собираясь задать вопрос, но в этот момент из палатки вылез Петр Семенович. Увидев нас, он поправил очки и поспешил к бревнам.

– Ох, Варвара Дмитриевна, – сказал он, – вы уже познакомились с Михаилом Петровичем? Отлично, отлично. Я как раз собирался вас свести.

– Петр Семенович, – обратился к нему Михаил, – есть какая-то информация по находке?

Куратор посмотрел на меня.

– Варвара Дмитриевна изучает дневники, – сказал он. – Пока рано делать конкретные выводы.

Михаил кивнул, приняв к сведению.

– Понятно. Мне нужно только знать, если найдется что-то личное. Фотография, записка, любая мелочь с его именем.

– Конечно, конечно, – радостно закивал Петр Семенович. – Мы, разумеется, сообщим.

Михаил кивнул еще раз, достал телефон и отошел к краю навеса, изучая что-то на экране.

Петр Семенович проводил взглядом удаляющегося детектива и повернулся ко мне.

– Варвара Дмитриевна, – сказал он, понижая голос, – есть какая-то информация? Вы вчера так долго занимались дневниками...

Я покосилась на Аню. Та верно истолковала мой взгляд и весело заявила:

– Пойду, пожалуй, займусь завтраком. Петр Семенович, вы как относитесь к зеленому чаю?

– Положительно, – растерянно ответил куратор.

Аня направилась к костру, а я кивнула Петру Семеновичу в сторону бревна.

– Давайте присядем. Я расскажу, что удалось выяснить.

Мы сели на деревянный ствол. Петр Семенович снял очки, протер их краем шарфа и снова водрузил на нос. Ожидание на его лице было почти детским.

– Дневники выглядят подлинными, – начала я. – Почерк, манера изложения, терминология – все соответствует советской геологической школе конца восьмидесятых. Но это не доказывает их возраст. Даже с учетом того, что рюкзак мог лежать в относительно сухом месте, за тридцать восемь лет бумага должна была пожелтеть значительно сильнее. Здесь же цвет страниц достаточно светлый.

Петр Семенович кивнул, и я заметила, что он слегка выдохнул, словно мои слова его успокоили.

– А еще – начала я, но тут из-за спины Петра Семеновича появилась голова Ани. Она несла в руках большую миску, от которой шел пар.

– Завтрак готов! – объявила она с энтузиазмом, которого я в это время суток не разделяла. – Егор с Сашей оказывается уже все приготовили. Поэтому каша от них, а от меня – чай и мои фирменные бутерброды с сыром.

Куратор растерянно моргнул и перевел взгляд с меня на Аню, потом обратно.

– Ну... если вы уже все приготовили...

– Прошу всех к столу! – заулыбалась она. – Сейчас буду накладывать.

Мы все вместе подошли к столу, и Аня ловко расставила миски и принялась разливать кашу.

– Садитесь, все. А то остынет.

Я не стала спорить. На самом деле, я была голодна – вчерашняя гречка давно переварилась, а с утра я только выпила кофе. Каша оказалась вполне съедобной: овсянка со сгущенкой, несколько банок которой лежали под навесом. Я даже не ожидала, что в походных условиях можно так вкусно позавтракать.

Петр Семенович тоже взял ложку. Аня села напротив меня и с довольным видом принялась за свою порцию. Егор с Сашей взяли свои миски и ушли завтракать на бревна. Видимо, они все еще опасались Аню и ее бурного энтузиазма. Михаил бродил по краю поляны со своим телефоном, не изъявляя желания присоединиться к нам.

Мы ели в тишине, нарушаемой лишь стуком ложек о миски и шорохом ветра в кронах. Костер тихо потрескивал, выбрасывая в серое утро струйки дыма.

Когда я доедала вторую миску каши, потому что первая порция оказалась слишком маленькой для голодного организма, из своей палатки наконец-то вылез Максим. Он выглядел так же отстраненно, как вчера вечером. Он молча кивнул всем присутствующим и направился к столу. Аня с интересом рассматривала его. Скорее всего, она еще не успела с ним познакомиться.

– Доброе утро, – поздоровался Петр Семенович. – Будете кашу?

– Спасибо, – коротко ответил Максим и взял миску.

Он сел на свободное место рядом со мной и принялся есть, не поднимая глаз. Я украдкой посмотрела на него. При дневном свете он выглядел моложе, чем казался вчера. Под глазами залегли легкие тени, похоже, он не слишком хорошо спал.

Завтрак закончился быстро. Петр Семенович собрал посуду и унес ее мыть в ведре с водой, которое стояло у навеса. Аня куда-то испарилась, скорее всего, снова пошла приставать к лесникам. Я допила чай и решила, что пора возвращаться к работе.

Я направилась к столу с находками. Хотелось еще раз взглянуть на компас. Он лежал на том же месте, где я его оставила. Темное дерево, резной обод, солярные символы. Я взяла его в руки и поднесла ближе к глазам, рассматривая орнамент.

– Интересная работа, – раздался голос у меня за спиной.

Я обернулась. Рядом стоял Максим – я даже не услышала, как он подошел. В руках он держал кружку с дымящимся чаем.

– Познакомились уже со всеми? – спросила я.

Простой, почти обыденный вопрос сорвался с языка сам собой, и я на мгновение замерла, удивленная этим порывом. После ночного разговора у костра этот странный краевед перестал казаться совсем уж чужим. Впрочем, «не чужим» – это громко сказано: скорее, просто не вызывающим желания немедленно отгородиться.

– Более или менее, – кивнул он. – Кроме вон той энергичной девушки.

– Это Аня, журналист, – усмехнулась я. – Готовьтесь, она очень общительная.

– Уже заметил, – в его голосе прозвучала легкая ирония. – Лесники уже не знают, куда от нее деться. Кстати, вы заметили, как тут тихо? Птиц почти не слышно.

– Да, – кивнула я. – Еще с утра обратила внимание. Думала, это из-за того, что еще слишком рано.

– Нет, дело не во времени, – он сделал глоток чая. – Обычно в таких лесах на рассвете должен быть настоящий концерт. А здесь... будто все замерли.

– Может, из-за людей? Мы же тут разбили лагерь.

– Возможно, – согласился он, но в его голосе слышалось сомнение.

– Вы упомянули «интересную работу», – решила я вернуться к теме находок. – Что именно вас заинтересовало?

Глава 7

Максим шагнул ближе и наклонился над столом, разглядывая компас.

– Обратите внимание на орнамент, – сказал он. – Это не просто украшение. Солярные символы тут не случайны. Посмотрите, – он указал пальцем на резной обод, – колесо с восемью спицами. Это не просто знак солнца. В некоторых традициях такое колесо символизирует вращение, цикличность, возвращение. Круговорот, который не имеет начала и конца.

– Я видела похожие на надгробиях, – кивнула я. – И на вышивках. Солярный символ, типичный для крестьянской культуры этого региона. – Интересно, откуда он у советских геологов? – спросила я вслух, скорее размышляя, чем обращаясь к нему. – Такие вещи не носят в полевых экспедициях. Это либо личный талисман, либо... – я запнулась, не зная, какой еще вариант предположить.

Красно-белая стрелка в корпусе компаса продолжала медленно вращаться. Я смотрела на нее несколько секунд, потом положила компас обратно на стол.

– Она не останавливается, – заметил он. – Сколько она так крутится?

– Со вчерашнего дня. Петр Семенович говорит, что все компасы в лагере ведут себя так же.

Максим поднял голову и посмотрел на меня.

– Вы верите в то, что здесь происходит что-то необычное? – спросил он неожиданно.

Вопрос застал меня врасплох. Обычно я отвечала на него сразу, как по учебнику: нет, не верю, всему есть рациональное объяснение, мы просто пока его не нашли. Но сейчас слова застряли в горле.

– Я... – начала я и запнулась. – Я не знаю.

Максим не отвел взгляда.

– Это честный ответ, – сказал он с легкой усмешкой.

– Слушайте, – вдруг сказала я, совсем не то, что собиралась. – Вы же вчера, помнится, в конце разговора предлагали перейти на «ты».

– Предлагал, – подтвердил он.

– Тогда давай начнем.

На его лице появилась сдержанная улыбка.

– Давай, – согласился он.

Я смотрела на него и вдруг поймала себя на мысли, что он действительно привлекает меня как мужчина. Не тем показным героизмом, который так любят демонстрировать в фильмах, а чем-то другим. Может быть, той же отстраненностью, которая была и во мне самой. Или тем, что он не пытался казаться тем, кем не являлся. Или просто тем, что в его присутствии я чувствовала себя... спокойно.

И это было странно. Я всегда считала себя человеком, которому нужно время, чтобы привыкнуть к новым людям. А тут прошло меньше суток, и я уже ловила себя на том, что мне интересно, что он скажет дальше. Что он сделает. И это было даже страшновато, потому что в последний раз я чувствовала что-то подобное четыре года назад, когда встретила Глеба. И чем это закончилось, я помнила слишком хорошо.

Я заставила себя перевести взгляд на стол и сделала вид, что очень внимательно изучаю холщовый мешочек с образцами породы.

– Скажи, – произнесла я вслух, возвращаясь к деловому тону, – этот орнамент на ободке, ты уже видел что-то похожее раньше?

Максим открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент из-за деревьев на поляну вышел еще один человек.

Ну это уже даже не смешно. Я наблюдала за тем, как высокий подтянутый мужчина с короткими темными волосами и холодным, оценивающим взглядом приближается к нам. На вид ему было лет тридцать пять. На плече у него висел кофр темного цвета, а в руке он держал какой-то прибор, похожий на те, что я видела у геодезистов.

Петр Семенович, который как раз вышел из-за навеса с полотенцем в руках, остановился и неуверенно поправил очки.

– Добрый день, – произнес незнакомец голосом, совершенно лишенным интонаций. – Меня зовут Руслан Андреевич. Природоохранная организация «Геосфера». Этот квадрат внесен в реестр геомагнитного мониторинга.

– Природоохранная организация «Геосфера»? – удивленно повторил Петр Семенович. – Я не слышал о такой.

– Мы федеральные, – ответил Руслан без тени смущения. – Работаем в тесном сотрудничестве с Росгидрометом.

– Понимаю, – закивал Петр Семенович, не понимая ровным счетом ничего.

– В последние три месяца здесь фиксируются устойчивые аномалии, – продолжил Руслан. – Я прибыл для установки датчиков и замеров. Работа займет несколько дней.

Петр Семенович смотрел на него с растерянным выражением, в котором смешивались вежливость и полная неспособность сформулировать возражение. Он перевел взгляд на меня. Я едва заметно пожала плечами.

– Геомагнитные аномалии, – Петр Семенович снял очки, протер стекла, надел обратно. – Да, да, у нас тут с компасами... тоже...

– Это связано, – кивнул Руслан, как робот.

– Ну, если надо для науки... – наконец произнес куратор. – Мы не будем мешать вашей работе. Располагайтесь.

– Нас никто не предупреждал, – осторожно заметила я.

– Предупреждать не было необходимости, – Руслан посмотрел на меня. – Если у вас есть вопросы, можете связаться с моим руководством. Контакты я оставляю.

Затем он поднял кофр и направился к дальнему краю поляны, где лес подходил вплотную. «Странное совпадение, – подумала я, провожая его взглядом. Аномалии фиксируются три месяца, а приехал он именно сейчас».

Но в геофизике я разбираюсь не лучше, чем в геологии. То есть совершенно никак. Может, аномалии действительно есть. Может, их мониторят регулярно. Может, действительно этого Руслана отправили именно сейчас.

В этот момент из-за деревьев вынырнула Аня. Она быстрым шагом пересекала поляну, с диктофоном наперевес и нацеленным взглядом охотника, который только что засек добычу. Руслан как раз устанавливал какой-то прибор с небольшим экраном у дальнего края поляны.

Аня подлетела к нему, остановилась в полутора метрах и широко улыбнулась.

– Здравствуйте! Анна Корчевская, независимый журналист. Я правильно расслышала – природоохранная организация «Геосфера»?

Руслан даже не поднял головы от прибора, только коротко бросил:

– Правильно.

Аня чуть склонила голову набок, разглядывая его сосредоточенное лицо.

– Это федеральная структура?

– Да, – ответил он. На его лице не было ни тени эмоций, только скучающее спокойствие.

– А вы давно занимаетесь этим квадратом?

– Я уже ответил на вопросы, – коротко сказал он, защелкивая крышку прибора. – Всем присутствующим.

– Я не слышала, – невозмутимо ответила Аня.

– Жаль.

Я следила за этой сценой с невольным любопытством. Интересно, сможет ли она выудить из него хоть что-то? Или эта стена ей не по зубам? Аня, конечно, девушка упорная, но тут, похоже, нужна не журналистская хватка, а отбойный молоток. Я усмехнулась про себя и осталась стоять, наблюдая, что будет дальше.

– Тогда, может быть, вы расскажете мне...

– Нет, – перебил ее Руслан, все еще не глядя на нее.

Аня некоторое время молча смотрела на его склоненную голову. Потом убрала диктофон в карман, вздохнула и пошла в мою сторону.

– Не смейся, – сказала она, подходя ближе.

– Я не смеюсь, – вежливо сказала я.

– Да ладно тебе, я же вижу.

– Ладно, немного, – призналась я.

Аня вздохнула, как человек, вынужденный смириться с несправедливостью мироздания, и посмотрела в сторону Руслана.

– Михаил тоже не захотел со мной разговаривать, – пожаловалась она. – Он сказал «я не даю комментарии» и снова уткнулся в свой телефон. Это нечестно. Я же ничего плохого не делаю. Просто работаю.

– Они тоже работают, – заметила я.

– Ну и что, нельзя работать и одновременно разговаривать? – Аня воздела руки к небу.

– Это их право, – сказала я.

Аня посмотрела на меня с укором и перевела взгляд на Максима, которого, кажется, заметила только сейчас. Она изучала его несколько секунд с профессиональным интересом – примерно так орнитолог смотрит на незнакомую птицу.

– А ты кто? – спросила она просто.

Максим не обиделся.

– Максим, – ответил он. – Краевед.

– Краевед, – повторила она с интонацией человека, который пытается решить, стоит ли это дальнейшего разговора. – Местный?

– Нет. Приезжий.

– А ты, Максим, тоже от меня будешь бегать?

– Не планировал, – ответил он с легкой усмешкой.

– Вот! – торжествующе воскликнула Аня. – Хоть один адекватный человек. Ладно, я Аня. Можно я с вами постою? Варь, ты не против?

– Я не против, – сказала я. Ее непосредственность на удивление начинала мне нравиться.

Мы некоторое время стояли втроем у навеса. Над лагерем висела негустая облачность, сквозь которую иногда прорывалось бледное октябрьское солнце. Тени от деревьев лежали длинными серыми полосами.

Аня рассказывала про свою первую командировку в поле – она тогда еще работала в газете и поехала писать репортаж про отшельника, который жил в тайге без документов и электричества уже двадцать лет.

– И вы представляете, я действительно нашла его, – рассказывала она, оживленно жестикулируя. – Прошла семь километров по болоту в дырявых резиновых сапогах. Промокла вся, комары чуть не сожрали. Нашла его, значит, а он на меня посмотрел и говорит: «Ну и зачем приперлась? Иди обратно». И все. Дверь закрыл.

– И что ты сделала? – спросила я.

– Написала репортаж, – пожала она плечами. – Приукрасила, конечно, немного от себя. Он же отшельник, вряд ли газеты читает. Это оказался лучший материал того года.

Максим усмехнулся.

Я сидела рядом и думала о том, что это странно приятно – вот так разговаривать ни о чем, пока за деревьями тихо щелкают приборы Руслана и где-то в отдалении слышны шаги Михаила. Как будто лагерь поделился на две части: одна часть работала и молчала, другая – болтала у навеса.

Аня тем временем потянулась и со вздохом посмотрела в сторону кострища.

– Жалко, мяса нет, – произнесла она мечтательно. – Вот бы вечером шашлычок пожарить. Костер же есть, все дела. Хоть бы как-то сплотились, раз уж нам тут несколько дней вместе куковать.

– Оптимистичная мысль, – заметила я.

– Я вообще оптимист, – кивнула она без иронии. – В нашей профессии иначе нельзя. Либо ты оптимист, либо ты уже пьешь с самого утра.

Я невольно засмеялась. Это вышло само собой – неожиданно и немного непривычно. После развода я смеялась редко, и каждый раз удивлялась, что еще умею это делать.

– Макароны есть, – сказал Максим. – И тушенка.

– Это не шашлык, – вздохнула Аня.

– Нет, – согласился он. – Но вечером у костра тоже неплохо.

Аня еще немного посозерцала призрак несуществующего шашлыка, потом смирилась.

Глава 8

К вечеру над лесом повисла плотная темнота. Октябрьские сумерки опустились быстро: еще в половине шестого между деревьями лежали длинные серые тени, а уже к семи стало совсем темно.

Я смотрела, как за стволами гаснут последние проблески, и казалось, будто сам воздух становится гуще и осязаемее.

– Ну вот и вечер, – вздохнула Аня, подбрасывая ветку в костер. Искры взметнулись и пропали, будто их съела та же тьма. – Самое время для страшилок. Варь, ты как? Не боишься?

Я не ответила. Мои глаза уже привыкли к темноте за пределами кострового круга, и я различала фигуру Максима: он сидел на бревне напротив, держа в руке кружку с чаем, и тоже смотрел в огонь. Отсветы плясали на его лице, делая черты резче. Над огнем висел котелок, в котором варились макароны для сегодняшнего ужина.

– Не хочешь – не рассказывай, – пожала плечами Аня и повернулась к Максиму. – А ты? Ты же краевед. У вас наверняка есть жуткие истории. Ну, про леса, про исчезнувших про такое, о чем лучше не знать, но очень интересно послушать.

Максим помолчал. Потом коротко усмехнулся, едва заметно в пляшущих тенях.

– Раз просишь – будет тебе страшилка, – сказал он. – Дело было в Псковской области, я там лет десять назад был. Есть там одно село на берегу старого озера, оно почти нежилое. Так вот, рассказали мне историю про местную церковь, вернее, про то, что от нее осталось. Стояла она на отшибе, за околицей, вся вросшая в землю, еще довоенной постройки. И колокол там был небольшой, но с очень чистым звоном. Местные эту церковь стороной обходили. Говорили, что иногда, по ночам, тот колокол начинает звонить сам по себе – без ветра, без людей, без всякой видимой причины. И если услышишь этот звон, то заснешь и не проснешься.

Он замолчал, выжидая пару секунд для создания более драматичной обстановки. В костре что-то громко треснуло, Аня вздрогнула. Откуда-то сбоку донеслось деликатное покашливание. Я резко обернулась: Петр Семенович, держа наготове открытую банку тушенки, подошел к нам и замер, не решаясь перебивать.

– Макароны как раз дошли, – виновато проговорил он и показал нам банку. – Я сейчас тушеночку добавлю, и будем ужинать. Вы продолжайте-продолжайте, я тихонько

– Так вот, – Максим вновь заговорил, – бабка одна мне рассказала, что после войны в том селе фельдшерица жила, Евдокия. Женщина неверующая, циничная, фронт прошла. И вот однажды ночью прибегает к ней соседский мальчишка: «Тетя Дуся, деду плохо!». Она схватила сумку и бегом через все село. А дорога как раз мимо той колокольни шла. И вдруг слышит она звон. Тихий такой, но в тишине его слышно за версту. Она бежит и чувствует, как ноги ватные становятся, веки наливаются тяжестью, будто ее в сон клонит прямо на ходу. Споткнулась она, упала на колени и тут видит: на паперти стоит женщина в белом платке и манит ее рукой. А вместо глаз у нее – два темных провала. Евдокия сразу поняла, что если подойдет, то все. И вот она, фронтовичка, зубами впиалась себе в руку, до крови прокусила, только чтобы боль прогнала эту сонную одурь. Боль помогла. Вскочила и побежала, не оглядываясь. Деда того откачала, но рука у нее потом еще месяц болела.

Максим сделал глоток чая.

– А через три дня колокольня та просто рухнула. Без грозы, без ветра, просто взяла и рассыпалась. А колокол так и не нашли. Будто его и не было. Но местные до сих пор говорят, что иногда, глухими осенними ночами, с озера доносится тихий звон. И лучше в ту сторону не ходить.

Петр Семенович, заслушавшись, едва не выронил банку. Спohватившись, он торопливо вывалил тушенку в кастрюлю, и над поляной поплыл мясной аромат.

– Ужин готов! – объявил он с явным облегчением. – Прошу всех к столу!

Костер разгорелся в полную силу, пустив вверх столп оранжевых искр. Темнота вокруг поляны сгустилась, и лес за кругом света превратился в глухую черную стену.

На ужин собрались все обитатели нашего лагеря.

Михаил сидел немного в стороне от общего круга, Руслан устроился с противоположной стороны, поставил рядом с собой небольшой прибор с мигающим зелёным огоньком, Петр Семенович раздавал всем миски с дымящейся едой, Аня зябко куталась в плед, Максим пристроив миску на колене, рассеянно помешивал макароны с тушенкой, не торопясь есть. Егор и Саша сидели плечом к плечу чуть поодаль и негромко переговаривались, время от времени поглядывая в сторону темной стены леса.

А устроилась между Аней и, уже усевшимся на бревно со своей порцией, Петром Семеновичем.

Лесники подозрительно косились на Аню, видимо, опасаясь, что она снова пристанет к ним со своими расспросами, но она молча ела, как и все остальные. Как говорить, на водопое даже змеи не кусаются.

Я зачерпнула ложкой горячую еду, подула и осторожно попробовала. Макароны оказались разваренными ровно настолько, чтобы быть съедобными, тушенка дала жирный, мясной навар. Не шашлык, конечно, но после холодного дня это было именно то, что нужно.

После ужина лесники и Петр Семенович поднялись почти одновременно.

– Ну что ж, – сказал Петр Семенович, поправляя очки, – день выдался насыщенный. Пойду-ка я спать. Завтра с утра еще работы много.

Егор что-то пробормотал про ранний подъем, Саша кивнул с видом человека, который рад любому поводу улечься спать. Они коротко попрощались и направились к своим палаткам. Их силуэты быстро растворились в темноте за кругом костра.

Мы остались впятером: я, Максим, Аня, Михаил, Руслан и тишина леса, которая теперь казалась почти осязаемой.

Аня потянулась, сбросив плед с плеч, и весело улыбнулась:

– А давайте чаю попьем? – предложила она с той непосредственностью, которая у нее, кажется, была врожденной. – Я прямо сейчас заварю. У меня есть настоящая заварка, не эти ужасные пакетики.

Она не стала ждать ответа, вскочила и направилась к своей палатке. Через минуту вернулась с жестяной банкой с крышечкой.

– Сейчас, сейчас, – приговаривала она, ловко уставляя котелок с водой над углями и открывая банку.

Над поляной поплыл терпкий запах, с едва уловимой нотой чего-то мятного.

– Что это? – с подозрением спросила я.

– Чайная смесь, – ответила Аня, сосредоточенно насыпая заварку в кипяток. – Сама составляю. Крупнолистовой черный чай, немного иван-чая и мята.

Вода в котелке потемнела, приобретая янтарный оттенок. Аня помешала заварку веткой и довольно кивнула.

– Минут пять, и будет готово.

Руслан, до этого молчавший, поднял взгляд от своего прибора.

– Хочу вас предупредить, что иван-чай содержит дубильные вещества, – произнес он ровным голосом, – которые при неправильном заваривании могут вызвать расстройство желудка.

– Спасибо за информацию, – невозмутимо ответила Аня. – Но я завариваю его уже лет пять, и пока жива.

Руслан вернулся к прибору, на экране которого мигали какие-то цифры.

Михаил сидел, положив руки на колени, и смотрел в огонь. Он почти не участвовал в общем разговоре, поэтому Аня, конечно же, обратила на него внимание.

– Миш, – обратилась она к нему, разливая чай по кружкам, – а ты давно занимаешься частным сыском?

Он взял протянутую кружку и кивнул в знак благодарности.

– Шесть лет, – коротко ответил он.

– А до этого работал в полиции? – продолжила она.

Михаил посмотрел на нее с легкой усмешкой.

– Это интервью?

– Это профессиональная деформация, – улыбнулась Аня. – Ладно, мне просто интересно.

Она протянула кружку мне, потом Максиму и, наконец, Руслану. Тот взял ее без слов благодарности, сделал осторожный глоток и вернулся к своему экрану.

Я обхватила кружку ладонями, чувствуя, как становится тепло. Чай оказался крепким, с терпкой горчинкой и освежающим мятным послевкусием. Вкусно.

– Хороший чай, – признала я.

Аня просияла.

– Правда? Я рада! Знаешь, в полевых условиях хороший чай – это как маленький элемент роскоши.

Максим отпил из своей кружки и кивнул в знак согласия. Костер потрескивал, выбрасывая искры в ночное небо. Над нами, сквозь просвет между кронами, проглядывали редкие звезды.

Несколько минут мы пили чай молча.

– Слушайте, – вдруг подалась вперед Аня, которая, кажется, физически не могла долго молчать, – раз уж мы тут все собрались, давайте просто поговорим? Познакомимся нормально.

Она посмотрела на каждого из нас по очереди.

– Я начну. Меня зовут Аня, мне двадцать пять, я родом из Твери. Училась на журфаке, работала в газете, потом поняла, что хочу писать о том, что меня действительно цепляет. Вот и стала независимым журналистом. Занимаюсь паранормальным уже три года, и да, я верю, что в мире есть вещи, которые наука пока не может объяснить.

Она замолчала, ожидая продолжения. Повисла пауза. Аня выжидательно уставилась на Максима. Тот вздохнул, задумчиво глядя на огонь, но ясно понимая, что, если Аня решила всех подружить, скрыться от нее не удастся никому.

– Максим, – произнес он наконец. – Мне тридцать лет. Родился и вырос в Москве. Изучаю локальную историю, фольклор, местные предания. Работаю... сам на себя, можно сказать. Верю ли я в паранормальное? – Он усмехнулся. – Скажем так: я видел достаточно, чтобы не отрицать его существование.

Аня удовлетворенно кивнула и перевела взгляд на Михаила.

– Миш, твоя очередь.

– Михаил, – сказал детектив, не пытаясь отнекиваться. – Мне сорок лет. Почти пятнадцать лет проработал в МВД, потом занялся частной практикой. Что касается веры в паранормальное, раз уж об этом заговорили – Он усмехнулся. – Не верю я в такое. Но верю в то, что люди способны на странные вещи. И что иногда совпадения выглядят как мистика.

Руслан молчал, уткнувшись в экран прибора. Аня посмотрела на него.

– Руслан?

Он поднял голову, словно удивленный, что его включили в разговор.

– Руслан Андреевич, – произнес он ровным голосом. – Мне тридцать пять лет, я геофизик. Работаю в «Геосфере» уже десять лет. Считаю, что паранормальное – термин некорректный. Существуют явления, пока не описанные наукой. Но это не значит, что они не поддаются изучению.

Аня кивнула и перевела взгляд на меня.

– Варя?

Я сделала глоток чая, собираясь с мыслями.

– Меня зовут Варя, мне двадцать девять лет. Я историк-архивист. Работаю с документами, в основном церковными и монастырскими. В паранормальное не верю от слова совсем. Я знаю, что люди всегда пытались объяснить непонятное через мистику. Но потом наука всегда находила этому рациональное объяснение.

Максим посмотрел на меня с легкой усмешкой, но промолчал.

– Хорошо, – сказала Аня. – Теперь перейдем к самому интересному: к пропавшей экспедиции. Кто что думает? Куда они могли деться?

Михаил пожал плечами.

– Варианты стандартные: заблудились, попали в болото, стали жертвой стихии. Без тел сложно сказать точно, но чаще всего причина проще, чем кажется.

– Скучно, – протянула Аня. – А ты? – она повернулась к Руслану.

– Магнитная аномалия могла дезориентировать группу, – ответил он, не отрываясь от экрана. – Если компасы не работали, а карты были неточными, они могли уйти в неверном направлении. Дальше – стандартные риски полевой работы.

– Тоже скучно, – вздохнула Аня и посмотрела на Максима. – Макс, на тебя вся надежда.

Максим покрутил кружку в руках.

– Я думаю, что это место само по себе странное, – медленно произнес он. – Старожилы называли его Пустошью неспроста. Здесь что-то не так. Может быть, геомагнитное поле, может быть, что-то еще. Но я верю, что есть необычные места.

Аня смотрела на него с интересом, Михаил – с едва скрываемым скепсисом.

– А ты, Варь?

Я смотрела на огонь, обдумывая ответ.

– Честно? Я не знаю. Логика говорит мне одно, а интуиция – другое. Рюкзак не мог сохраниться так хорошо за почти сорок лет. Но если это подделка, то зачем? Кому это нужно? И письмо... – Я замолчала. – Жена Дмитриева подтвердила, что писала такое письмо. Это можно было узнать только от нее или от самого Дмитриева. Круг подозреваемых сужается.

– Может, кто-то из родственников? – предположил Михаил. – Хотят привлечь внимание к делу.

– Тогда зачем такая сложная схема? – возразила я. – Проще было бы написать в СМИ или обратиться в полицию с новыми данными.

Мы замолчали, каждый погрузившись в свои мысли. Огонь потрескивал, выбрасывая искры. За пределами круга света стояла непроницаемая тьма.

– Я не могу найти рационального объяснения тому, куда могли испариться пять человек с вещами, – наконец сказала Аня. – Их долго искали, прочесывали квадрат за квадратом. И ничего не нашли. Ни лагеря, ни вещей, ни следов. Пять человек же не могут исчезнуть без следа?

– Могут, – сказал Руслан, не отрываясь от прибора. – Если попали в расщелину или утонули в торфянике. В этом случае тела не всплывают.

– Все пятеро одновременно? – не поверила Аня. – И куда делись все их вещи? Не с палатками же они утонули?

Руслан молча пожал плечами.

Аня недовольно поморщилась и вдруг оживилась:

– О! Кстати, у меня есть еще кое-что! – Она полезла в карман куртки и достала сложенный лист бумаги. – Я нашла в архивах старую газетную заметку с дореволюционной орфографией, ятями и твердыми знаками в конце слов. Это копия. Послушайте.

Она развернула лист и поднесла ближе к огню, шурясь на мелкий шрифт.

– «Светлоборский вестник», июль 1903 года. Заметка короткая: «14-го сего июля, в воскресный день, в окрестностях деревни Малые Сосны произошло происшествие, весьма

встревожившее местных обывателей. Крестьянин Ефим Лапшин с женою Прасковьей, дочерью Дарьей и сыном Матвеем отправились поутру в лес по грибы да ягоды. К вечеру семья домой не возвратилась. Вот уже третий день продолжаются безрезультатные поиски. По словам старожилов, Лапшины могли углубиться в урочище, именуемое в народе «Дурным местом». Сей лесной участок, лежащий к северу от деревни, исстари пользуется дурною славою, и крестьяне благоразумно обходят его стороною. Полицейский урядник высказывает надежду на благополучный исход дела».

Аня подняла глаза от листа.

– Дальше пишут, что поиски ничего не дали. Семью так и не нашли.

Михаил хмыкнул.

– Мало ли кто пропадал в лесах сто лет назад, – сказал он с легким скепсисом. – Сто лет назад медицина была не та, связи не было, люди могли заблудиться и умереть от переохлаждения за одну ночь.

Максим молчал, но его взгляд стал более задумчивым.

Я почувствовала, как внутри меня поднимается раздражение. Терпеть не могу, когда люди начинают притягивать за уши совпадения и строить из них теории заговора.

– Два исчезновения за сто лет в глухом лесу, – сказала я жестче, чем планировала, – это не аномалия, а статистика. Люди тонут в болотах, падают в расщелины, уходят и не находят дорогу. Это печально, но это реальность.

Аня посмотрела на меня с легким укором.

– Варь, ну неужели тебе совсем не кажется странным, что...

– Нет, – отрезала я. – Не кажется. Иногда банан это просто банан. Не стоит натягивать сову на глобус и искать связь там, где ее нет.

Аня открыла рот, чтобы возразить, но Руслан неожиданно поднял голову от прибора.

– Магнитное поле в этом квадрате нестабильно, – сказал он. – Прибор фиксирует колебания. Если они были и раньше, это объясняет дезориентацию.

– Вот, – кивнула я в сторону Руслана. – Рациональное объяснение.

Максим внимательно посмотрел на меня и вдруг сказал:

– Не все объясняется рационально, Варвара.

– Все, – упрямо ответила я. – Просто иногда нам не хватает данных.

Аня вздохнула, но спорить не стала. Она сложила листок и убрала обратно в карман.

– Ладно, – сказала она примирительно. – Может, ты и права.

Мы еще немного посидели в молчании. Потом Аня зевнула и потянулась.

– Ладно, я пойду спать, – сказала она. – Завтра опять рано вставать.

Михаил встал следом.

– Я тоже. Спокойной ночи.

Руслан тоже поднялся, забрав свой прибор.

– Спокойной ночи, – бросил он в общем направлении и исчез в темноте.

– Тебя проводить до палатки? – спросил Максим, когда у догорающего костра остались только мы вдвоем. Прядь волос упала ему на лицо, делая его образ еще более таинственным и загадочным. – Темно – хоть глаз выколи, а ты без фонарика.

– А давай, – кивнула я, поднимаясь с бревна и отряхивая с джинсов сухую хвою.

До моей палатки было рукой подать – всего-то обойти куст да перешагнуть через корень старой сосны. Но я не торопилась. Максим шагал рядом с фонариком в руке, чуть касаясь плечом моего плеча, и от этого прикосновения внутри разливалось приятное тепло.

– Смотри, какая луна, – сказал он негромко, когда мы на секунду остановились у самой палатки.

Я подняла голову. Луна и впрямь была огромная, янтарная и висела низко над лесом. В такие минуты слова только мешают, поэтому я промолчала. Но про себя отметила, что расстояние от костра до палатки никогда еще не казалось мне такими короткими.

– Спокойной ночи, – улыбнулся Максим, отступая на шаг.

– Спокойной ночи, – ответила я, затем быстро расстегнула молнию и нырнула в палатку, чтобы он не заметил, как глупо я улыбаюсь в темноте.

Михаил отошел от костра и достал телефон.

Еще раз кинул взгляд на бревно, где сидели молодая женщина в теплом свитере и жилетке, журналистка в коротком пуховике и вязаной шапке, хмурый парень в длинном черном пальто и мужчина в серой штормовке с поднятым капюшоном и каким-то прибором.

Набрал три слова: «Работа началась. Наблюдаю за объектом».

Быстро отправил и убрал телефон.

Глава 9

В палатке я сразу же скинула кроссовки и залезла в спальник, устроилась поудобнее и закрыла глаза, но сон не шел.

Я ворочалась, пытаюсь найти удобное положение, но мне это никак не удавалось. В голове крутились мысли о том, что сказала Аня. О пропавшей семье, об исчезнувших геологов, об этом дурацком рюкзаке, появившемся неизвестно откуда

«Все это объяснимо, – повторяла я про себя. – Все это имеет рациональное объяснение. Просто я его пока не нашла».

Но внутренний голос шептал: «А если нет?»

Я попыталась выкинуть все из головы, но не получалось.

Минут через двадцать я сдалась, расстегнула спальник и вылезла наружу. Надела кроссовки, накинула куртку и вышла из палатки.

Ночь встретила меня холодом и влажным ароматом мха с грибной ноткой. Полная луна, которую мы недавно разглядывали с Максимом, уже поднялась выше и теперь висела над поляной, заливая все вокруг призрачным серебристым светом. Я поежилась и огляделась.

Лагерь спал. В лунном свете отчетливо проступали знакомые очертания: палатки, навес, стволы деревьев на краю поляны Костер почти погас – только несколько угольков тлели в пепле, отбрасывая слабый красноватый свет.

Я сделала глубокий вдох и холодный воздух обжег легкие. Я обхватила себя руками и подняла голову. Небо было усеяно звездами так густо, что захватывало дух. Миллионы огоньков мерцали в вышине, и на миг я забыла обо всем – только смотрела и не могла оторваться.

– Не спится?

Я вздрогнула и резко обернулась.

Максим стоял у края лагеря, на границе света и тьмы. Руки в карманах, плечи слегка сутулены. Он смотрел не на меня, а куда-то в темноту леса.

– Не спится, – признала я, подходя ближе. – А ты чего не спишь?

– Тоже не спится. Я вообще плохо сплю в новых местах.

– Понимаю, – кивнула я и неожиданно для себя призналась: – А у меня после развода сон стал проблемой. Лежу и думаю о всяком.

– И приходишь к ответам?

– Нет, – усмехнулась я. – Только к новым вопросам.

Не знаю, зачем я это сказала. Обычно я не рассказывала незнакомым людям о личном. Но сейчас, в темноте, в окружении спящего лагеря и безмолвного леса, это вырвалось само.

Максим посмотрел на меня.

– Давно развелась?

– Год назад, – ответила я. – Муж ушел от меня к своей лаборантке. Двадцать три года, длинные волосы, точеная фигура... Банально до отвращения.

Я усмехнулась, но без веселья.

– А сюда я сбежала от рутины, – продолжила я. – От пустой квартиры, от мыслей, от ощущения, что жизнь встала на паузу. Думала, что лес и работа помогут мне переключиться. Пока не уверена, что помогает.

Он кивнул, будто понимал, о чем я говорю.

– Иногда просто сбежать из того места, где больно – самое действенное лечение, – сказал он тихо.

Мы помолчали, но в этом молчании не было неловкости. Оно было теплым, почти уютным. Момент неожиданной близости с человеком, которого я знала меньше двух дней.

– Здесь странно тихо, – сказала я, нарушая молчание.

– Да, – согласился он. – Как будто лес затаился.

– Ты правда веришь, что это место... живое? – я с трудом подобрала подходящее слово.

Он посмотрел на меня.

– Я не знаю, живое ли оно. Но оно точно не обычное.

Я хотела возразить, но слова застряли в горле. Потому что где-то глубоко внутри я чувствовала то же самое.

– Пойду попробую еще раз уснуть, – сказала я наконец.

– Спокойной ночи, Варвара.

– Спокойной.

Я развернулась и пошла к палатке. У самого входа обернулась. Максим все еще стоял на краю лагеря, глядя в темноту.

Я забралась в спальник, закрыла глаза и на этот раз заснула почти сразу.

Из глубокого сна меня вырвал чей-то крик. В первое мгновение я не могла понять, где нахожусь и что вообще происходит, но, ощутив ладонью брезентовую стенку и почувствовав тесноту спальника, я вспомнила, что ночую в лесу. Темнота в палатке была абсолютной, и только слабый свет рассвета пробивался сквозь щель в молнии. Я нащупала телефон. На экран высветилось 6:07.

Не успела я решить, что все это мне приснилось, как снаружи снова раздался мужской, испуганный крик с отчетливыми истерическими нотками. Господи, ну и кто из наших храбрых рыцарей там орет?

Я вылезла из спальника, наспех натянула куртку, засунула ноги в кроссовки и выбралась наружу.

Снаружи было серое утро. Туман стелился плотной пеленой, а влажный и студенный воздух пропитался терпким запахом мокрой хвои.

У костровища уже толпились обитатели лагеря. В центре стоял Петр Семенович, размахивая руками. Лицо его было бледным, очки съехали на кончик носа.

– Клянусь, я своими глазами видел! – говорил он сбивчиво, захлебываясь словами. – Кто-то стоял между деревьями!

Михаил стоял рядом с ним, положив руку ему на плечо – то ли успокаивая, то ли придерживая. Егор и Саша переглядывались с тревожными лицами. Руслан стоял чуть в стороне, глядя на Петра Семеновича с холодной отстраненностью.

Аня выскочила из своей палатки в одной футболке и джинсах, волосы торчали во все стороны. Максим вышел последним, застегивая на ходу пальто.

– Петр Семенович, – я подошла ближе, – что случилось?

Он обернулся ко мне с совершенно безумным выражением лица. В его глазах стоял неподдельный ужас.

– Варвара Дмитриевна, – выдохнул он, – представляете, я проснулся от какого-то странного звука. Как будто кто-то тихо шепчет, но слов не разобрать. Я посмотрел на часы и увидел, что на них ровно три тридцать три утра. Я взял телефон, а он показывал шесть утра. Мне показалось это странным. Я вылез наружу, по естественной надобности и увидел, – он указал дрожащей рукой в сторону леса, – и увидел силуэт. Человек стоял между деревьями и смотрел сюда. Просто стоял. Не двигался. А потом... исчез.

– Вам показалось, наверное, – предположил Саша неуверенно, но в его голосе явно слышалась тревога.

– Нет! – Петр Семенович тряхнул головой. – Я видел его так же ясно, как и тебя! Это был человек! Я не сумасшедший!

– Никто не говорит, что сумасшедший, – сказала я мягко.

Михаил же направился в ту сторону, куда указывал куратор. Егор молча последовал за ним.

Место, где, по словам Петра Семеновича, стоял человек, находилось метрах в тридцати от палаток. Старые ели с низкими ветвями здесь росли плотно, между стволами которых стелился утренний туман.

Михаил присел на корточки, осматривая землю. Егор стоял рядом, напряженно всматриваясь в лес. Затем он поднялся, и мужчины вернулись обратно к нам.

– Следов нет, – сообщил Михаил. – Земля влажная, если бы там кто-то стоял, остались бы отпечатки.

– Может, это был какой-то зверь? – предположила Аня. – Все-таки туман искажает восприятие.

– Я уверен в том, что видел человека! – слегка раздраженно откликнулся Петр Семенович.

– В сумерках ствол дерева легко принять за силуэт, – возразил Михаил.

Петр Семенович возмущенно засопел, но снова доказывать, что видел именно человека, ему не дал Руслан. Пока Михаил с Егором осматривали место, где якобы стоял силуэт, он тоже не терял время зря и достал из палатки какие-то свои приборы.

– Ночью был зафиксирован аномальный скачок электромагнитного поля, – сказал он, внимательно вглядываясь в экран. – Между тремя пятнадцатью и тремя сорока пятью. Пик – в три тридцать три. Амплитуда значительная и для природного поля нетипичная.

Очень интересно. Значит ровно в тот момент, когда у Петра Семеновича остановились часы.

– А покажите ваши часы, – попросил Михаил, видимо, тоже обратив внимание на странное совпадение.

Петр Семенович протянул ему часы с потертым ремешком, где стрелки застыли на отметке 3:33.

– Вчера вечером они шли нормально, – сказал он тихо. – Я сверялся с телефоном перед сном. Все было точно.

Михаил взял часы, покрутил в руках, поднес к уху.

– Не тикают, – констатировал он. – Может батарейка села или механизм сломался.

– А ведь механизм могло остановить сильное магнитное воздействие, – вдруг сказал Максим.

Мы переглянулись.

– А это воздействие, оно опасно? – забеспокоился Саша.

– Для человека – нет, – ответил Руслан. – Для электроники – да.

Мы еще немного помусолили эту тему, но так ни к какому выводу не пришли.

Завтрак готовили молча и напряженно. Егор поставил на огонь котелок с водой для каши, Саша молча нарезал хлеб. Аня заварила свой фирменный чай.

Петр Семенович сидел на бревне, уставившись в одну точку. Руслан ушел проверять остальные свои датчики. Михаил стоял у края поляны, что-то набирая в своем телефоне.

Я налила себе чай и присела рядом с Максимом.

– Как думаешь, что это было? – спросила я тихо.

Он медленно покачал головой.

– Не знаю. Но мне это не нравится.

– Мне тоже, – вздохнула я.

Все это было очень странно, а странности без логического объяснения я не любила.

Завтрак прошел быстро и в тягостной тишине. Каша была невкусной, Егор переборщил с солью. Я съела половину своей порции, помыла миску и решила вернуться к работе.

Нужно сосредоточиться на дневниках, чтобы не думать о странных силуэтах и остановившихся часах.

Я направилась под навесом к столу с находками и увидела, что там уже стоит Максим, склонившись над разложенными документами. Он взял в руки один из дневников, и вдруг его лицо побледнело, а на лбу выступили капли пота. Он стоял совершенно неподвижно, будто замороженный, глядя в одну точку на раскрытой странице. Дневник дрожал в его руках.

Несколько секунд он не двигался, потом резко выдохнул, уронил дневник на стол, отступил на шаг назад и прижал ладони к вискам.

Я бросилась к нему, думая о том, что в такую глушь даже скорая не приедет.

– Максим! – я тронула его за плечо. – Что случилось? Ты в порядке?

Он медленно опустил руки. Лицо все еще было бледным, а дыхание – частым.

– Все нормально, – сказал он и попытался улыбнуться, но вышло плохо. – Просто мигрень. Давление, наверное. У меня так бывает на перемену погоды.

Я не поверила ни единому его слову. Это было не похоже на мигрень. Мой коллега страдал ими регулярно. Но у него не было такого выражения лица. Максим выглядел так, будто только что увидел что-то... страшное.

– Может, тебе присесть? – предложила я. – Или воды принести?

– Нет, спасибо, – он выпрямился и вытер лоб рукавом. – Уже проходит. Просто резко накатило.

– Ладно, – не стала я настаивать. – Но, если станет хуже, скажи. У меня есть таблетка от головы.

– Спасибо за беспокойство, – он слабо улыбнулся. – Но я в порядке. Честно.

Он развернулся и пошел к своей палатке. Я проводила его взглядом, потом перевела его на дневник.

Что он там такого увидел, что за секунду стал белый, как стена?

«Бывает на перемену погоды». Но погода не менялась. Н-да, все тут со своим прибабхом.

Я села за стол и начала изучать дневники, но в голове крутились тревожные мысли. Всем тем мелочам, которые происходят в лагере, по отдельности можно найти логичное объяснение. Натянутое, со скрипом, но можно. Но в целом они складываются в какую-то совершенно непонятную картину.

Около десяти утра я взглянула на наручные часы. 10:11. Я потянулась, разминая затекшие мышцы, и подумала, что вечером хорошо бы сделать полноценную растяжку. Потом взяла в руки телефон и замерла, даже забыв о том, что хотела сделать.

Телефон показывал 10:04.

Я снова взглянула на часы и нахмурилась. Семь минут разницы.

Пока я тупо переводила взгляд с циферблата на экран телефона, Михаил у костра громко хмыкнул и потряс запястьем.

– У меня часы отстали на двенадцать минут! – объявил он на всю поляну. – Вообще ерунда какая-то.

Аня оторвалась от своего ноутбука, где печатала какую-то очередную сенсационную статью, полезла в карман за телефоном, потом глянула на экран.

– Слушайте, у меня телефон и ноутбук тоже врут, – она нахмурилась. – Разница в три минуты, хотя оба обновляют время через сеть автоматически. Такого быть не должно.

Повисла пауза.

– Это просто глюк, – уверенно сказал Михаил. Скептик до мозга костей.

Я продолжила работу с документами, пытаюсь восстановить маршрут экспедиции 1987 года. Если продолжу думать обо всей этой якобы мистической ерунде, просто сойду с ума. Работа всегда была моим спасением. Когда мир становится странным, непонятным или невыносимым – работай.

Поэтому передо мной лежала потрепанная карта, на которой кто-то из геологов отмечал точки. Координаты, азимуты, пометки карандашом. Я сверяла их с записями в дневниках, потом взяла линейку и провела линию от точки к точке. Маршрут шел с юга на север, постепенно углубляясь в лес. Последняя отметка находилась примерно в двух километрах от нашего нынешнего лагеря.

Что они нашли в том квадрате?

По карте – это относительно ровная местность, сосновый бор, переходящий в ельник, с ручьем и небольшим скальным выходом. Я взяла телефон и с радостью отметила, что интернет здесь ловит. Поэтому я открыла браузер, набрала в поисковой строке координаты из дневника. Загрузилась карта, я переключилась на спутниковый режим и принялась вглядываться в снимок, надеясь заметить хоть что-то, что могло бы объяснить странности. Но нет: на экране был обычный густой лес. Я увеличила картинку, пытаюсь найти хоть какое-то отличие от сотен других квадратов вокруг, но безрезультатно. Место выглядело абсолютно обычным. Ничего примечательного.

К полудню я встала, чтобы размяться, и прошлась по поляне. Михаил сидел у палатки, пил чай и задумчиво смотрел на лес. Аня что-то печатала на ноутбуке. Руслан занимался своими приборами, а Петр Семенович что-то обсуждал с Егором и Сашей у палаток.

Максим не выходил из палатки. Я даже подумала, что может быть стоит подойти и предложить ибупрофен еще раз, но передумала. Он ясно дал понять, что не хочет помощи. А я решила, что не хочу навязываться.

И тут в кустах слева от меня раздался шорох и из леса вышла девушка.

Совсем молодая, лет двадцати. Хрупкая, с отсутствующим взглядом. На ней было длинное темное платье и старое пальто с потертыми рукавами. Тяжелое, явно не по размеру, оно висело на ней, как на вешалке. Светлые волосы были небрежно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.